

Another life

Направленность: Слэш

Автор: SimusiK (<https://ficbook.net/authors/14640>)

Фэндом: EXO - К/М

Пейринг или персонажи: Чонин\Кёнсу

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Ангст, AU

Предупреждения: OOC, Нецензурная лексика

Размер: планируется Миди, написано 72 страницы

Кол-во частей: 7

Статус: в процессе

Описание:

Планирование, контроль, порядок - точнейшее описание жизни До Кёнсу. Его устраивала работа, устраивала машина, устраивала квартира, но в какой-то момент перестала устраивать такая жизнь в целом. В порыве острой жажды изменений Кёнсу встретил Чонина и попросил показать ему какая она, другая жизнь.

Посвящение:

Nanao_Rina и ее бесконечной поддержке :)

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

P.S. Мелькают ЛуМины и БэкЁли. Куда без них вообще? xD

ТОС

ТОС	2
Пролог	3
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	55
Примечание к части	65
Глава 6.	66

Пролог

Кёнсу находился в своей квартире уже несколько часов подряд. Выходные, он ненавидел их. Немного прибраться практически не жилое за будние дни помещение – четверть беды, приготовить завтрак, обед и ужин на одного – еще четверть, но оставалась незаполненная половина. Целых 12 часов, не считая сна, когда были только он и его небольшая, совершенно пустая, не считая мебели, квартира. Хорошая работа, хорошая машина, хорошая квартира и один он, До Кёнсу.

Теперь выходных слишком много, так он думал.

И ведь парень никогда не сомневался в выборе. Не сомневался, кем хочет стать, не сомневался, где хочет учиться, где хочет работать. Начиная со средней школы, затем старшая и университет. Вплоть до названия фирмы и должности. И он получил все планируемое.

Иногда ему казалось, что планирования было слишком много: от счетов за кредитную карту до точного списка продуктов на неделю. Практически все было спланировано и выверено. Новое, сложное, выходящее за рамки приносило головную боль и страх.

Кёнсу боялся незапланированного.

Он даже друзей планировал, со временем лишившись почти всех, а с оставшимися лишь созванивался, чтобы узнать, что у них все в порядке. Его уже не спрашивали о делах, у него всегда все *одинаково*. Родители навещали его в заведомо обговоренное время. По праздникам.

Со временем Кёнсу так привык, что нарушение распорядка приносило уже не головную боль, а раздражение и *злость*. Он выходил из себя на внезапные предложения прогуляться или совершенно случайные визиты друзей, знакомых, посторонних людей.

«Надо что-то менять», - однажды Кёнсу проснулся с такой мыслью, но что именно требовало перемен от него ускользало, пока на работе не решили провести сокращение персонала.

Кёнсу уволили.

Это было первое неконтролируемое изменение, привлекшее в его жизнь неразбериху и проблемы.

Но в Кёнсу был стержень. Он, пусть и был уязвим перед обстоятельствами, не позволял себе сдаваться. Парень искал новую работу, исправно ходил на собеседования, посещал собрания и тренинги, жил на сбережения, специально, намеренно, запланировано оставленные на черный день. Он был уверен, что даже неконтролируемое можно контролировать.

Второй неконтролируемой проблемой оказалось предубеждение.

Невысокий, типичный для Кореи брюнет, но нетипично красивый, с выразительными глазами, солнечной улыбкой на пухлых губах в форме сердечка, от которой в уголках глаз собирались лучики-морщинки, парень всегда и везде привлекал внимание. Но обратная сторона монеты была ужасна практически для любой попытки устроиться на работу – его не воспринимали всерьез. Его отменяли на собеседованиях без объяснения причин раз за разом, пока Кёнсу не потребовал эту причину.

«Нам нужен кто-нибудь более... презентабельный».

«Вы нам не подходите».

«Честно? Вы похожи на ребенка, вам правда есть 25?»

Шли месяцы, запланированный запас неконтролируемо кончался. Депрессия только росла, въедаясь в мозг, в мышцы, в кожу. Самооценка, которой, казалось, уж некуда было падать, просто испарилась. Исчезла.

Кёнсу чувствовал себя дерьмом. Никому не нужным, всеми забытым дерьмом. Но кто был виноват?

В тот день, когда Кёнсу от безысходности бросил все свои тщательно спланированные домашние дела, от которых он чувствовал себя хоть чуточку более защищенным, светило солнце. Яркое, нетипичное для зимы, оно грело даже сквозь занавешенные окна просторной гостиной. Вытирая пыль со столика возле окна, Кёнсу почувствовал, как луч света скользнул по его коже и прошел, казалось, сквозь нее, растворяясь и гоня кровь в жилах с новой силой. С другой, не запланированной силой, заставляя прикрывать глаза и облизывать губы от какого-то необъяснимого и совершенно безумного удовольствия, ощущая в организме прилив решимости.

По истечении пары минут парень был уже по-уличному одет и в последний раз оглядывал свое прежнее место жительства. Он всеми фибрами надеялся, что если и вернется сюда, то уже совершенно в другой жизни.

Глава 1

Кёнсу долго гулял по округе, просто шел куда-то, куда сам не знал. Не взяв с собой ни телефона, ни документов, все, что у него было – кошелек с несколькими купюрами не слишком большого достоинства и плеер с любимой музыкой, который он предусмотрительно всегда держал заряженным.

Ему нравилось ощущение, когда мелодия охватывает тело от ушных раковин до кончиков пальцев, а затем и душу, сначала словно окутывая звучанием, а потом забираясь внутрь через рот, нос, уши, кожу. Музыка пробегала по венам и попадала в сердце, и каждый бит, каждая нота отдавалась новым ударом, сливаясь с самим Кёнсу. Он чувствовал это каждым нервным окончанием, он словно видел, как она струилась через синапсы от одного нерва к другому.

Музыка, играющая только для него, отвлекала Кёнсу от окружающего мира, от снующих туда-сюда людей, от бесконечного потока гудящих машин, от проблем. Музыка словно была их решением – включил песню и уже как-будто бы все в порядке, как-будто как раньше или хотя бы не так как сейчас. Любая песня, запавшая в душу, тут же отправлялась в плейлист, присоединяясь к эфемерному целительному эффекту. Ему казалось, что так лучше, определенно лучше.

Кёнсу, наверное, так и стоял бы посреди перекрестка, запустив руки в карманы, прикрыв глаза и вслушиваясь в аккорды каждой, следующей друг за другом, шикарной песни, если бы его в какой-то момент не снесла с ног, причем за шиворот, какая-то неведомая сила, легким движением отшвыривая на тротуар.

Наушники выпали уз ушей, а капюшон куртки Кёнсу плавно спланировал ему на голову, когда парень больно приземлился на асфальт пятой точкой.

- Блять, сколько же в этом мире безумных идиотов! – где-то недалеко раздалась усталая ругань, но Кёнсу долго соображал, что вообще произошло, поэтому, когда он, наконец, решился поднять голову и поглядеть на человека, так безжалостно отправившего его на землю, мужчина уже возвращался к своему мотоциклу.

- Эй! – фамильярно позвал Кёнсу, на ходу сдирая капюшон и отряхивая одежду от снега.

Парень притормозил, замер на секунду, заставляя и Кёнсу остановиться в шаге от него, проклиная себя за внезапную смелость, а затем обернулся, повергая последнего в еще больший шок.

- Ты это мне? – удивленно приподнятая бровь, полные губы сжаты в полоску.

- П-прости, - Кёнсу запнулся, рассматривая своего... обидчика? Спасителя?

«Какой красивый».

Незнакомец вздохнул, перекинул ногу, устраиваясь на сиденье мотоцикла, и уже собирался надеть шлем черного цвета с маленьким рисунком с правой стороны – цветком подсолнуха, который до этого держал за ремешок в одной руке, когда Кёнсу оказался

прямо перед ним, хватая парня за запястья.

- Ты чего? – опешил мотоциклист, стряхивая с себя ладони Кёнсу, - Если хочешь поблагодарить, достаточно сдержанного «спасибо».

- Но... за что я должен благодарить тебя? – не понял брюнет.

- Ну... за спасение жизни, например? – несколько наглый голос парня и тут же появившаяся самодовольная ухмылка напрягли Кёнсу.

- А с чего ты взял, что ее нужно было спасать?

- А, ну тогда я поехал, а ты можешь продолжать, - бесстрастным голосом ответил парень, который все-таки натянул шлем и даже успел застегнуть его, хватаясь за руль, - Прости, что помешал.

- Стой! – Кёнсу снова попытался остановить его.

- Черт, да что тебе нужно от меня, самоубийца-неудачник?! – в голосе незнакомца колыхало раздражение.

В глазах Кёнсу теплилась надежда.

- Возьми меня с собой?

У Кёнсу затекли руки, пока они ехали на байке «этого парня», как он прозвал его у себя в голове, потому что представиться они друг другу как-то забыли. Или не сочли нужным.

Наткнувшись на внимательный изучающий взгляд карих глаз, Кёнсу вообще не думал, что этот парень так легко согласится на его просьбу – молча запустил руку под сиденье и протянет ему запасной шлем. Молча дождется, когда Кёнсу с третьей попытки застегнет его под подбородком и заберется на сиденье позади него. Ещё пару секунд он, видимо, ждал, когда Кёнсу обхватит его руками, но брюнет решил не наглотать до такой степени, и пристроил руки позади себя на багажнике. Поэтому-то они сейчас и ныли, словно он тяжести поднимал, хотя на самом деле просто пытался не свалиться с мотоцикла, ведь водитель, казалось, не был в курсе, где у него находится тормоз.

Спустя некоторое время этот парень остановился возле пятиэтажки в незнакомом для Кёнсу районе.

Кёнсу в глаза сразу бросилась яркая стена с дверью, ведущей в подвал здания. Яркость заключалась в нанесенных на нее граффити-рисунках, которые не были запланированы как-то специально, конкретно. Это был абстрактный рисунок. Красивый, завораживающий абстрактный рисунок из линий, кругов и других элементов. Разобрать, что именно хотел сказать автор, Кёнсу не успел, потому что «этот парень» не останавливаясь и не окликав его, быстро прошел вперед и скрылся за дверью.

Кёнсу вздохнул, подумал как же глупо все это получается, посетовал на то, что не стоило бросаться к первому встречному с просьбами изменить его жизнь (ну, почти так), но все же подошел к двери, толкая ее на себя.

- Господи, Чонин, ты всегда опаздываешь!

Кёнсу осторожно протиснулся в подвал, оказавшийся студией с барабанной установкой посреди небольшого зала, стены которой были обиты каким-то звукоизолирующим материалом. «Этот парень» по имени Чонин сидел на старом, потрепанном кожаном диване и настраивал гитару.

- Ты меня слушаешь вообще? – невысокий парень с крашеными в светлый волосами стоял перед Чонином и всем видом выказывал свое недовольство.

- Отвали, Бэк, - не то просьба, не то угроза слетела с губ Чонина.

Кёнсу осторожно сделал шаг вперед, но как всегда судьба была к нему неблагоприятна. Скрип.

Блондин тут же метнул взгляд к двери, хмуря брови еще сильнее.

- А это...

- Причина моего опоздания, - наклоняясь к гитаре, кивнул парень.

- Привет, - тихо промямлил приветствие Кёнсу, как-то сразу испугавшись сурового блондина.

- Ну да, - тот только кивнул, снова обращаясь к Чонину, - И зачем ты его сюда притащил? Тут не место...

- Бэк, - предупредил Чонин.

- ...для твоих вечно меняющихся...

- Бэкхен, - он с нажимом повторил предупреждение.

- ...«друзей», - Бэкхен оглядел округлившего глаза парня с ног до головы, - Хотя он ничего. Миленький. Ему есть 18?

Кёнсу вздрогнул, сжимая кулаки. *Ну вот опять.*

- Бён Бэкхен! – теперь Чонин прикрикнул, привлекая внимание, - Ты не поверишь.

- Что?

- Я даже не знаю, как его зовут.

- Что?!

- Он сам ко мне прицепился.

- Так прогони его, - Бэкхен сложил руки на груди.

- Зачем? Посидит тут чуток, посмотрит репетицию и свалит сам, - Чонин потянулся, зевая, - Где там Чанель и Чондэ? Надо поскорее закончить, я устал.

- Ты... ты даже не говори про усталость, мы 2 часа тебя ждали, - вкрадчиво, с предупреждением в голосе ответил Бэкхен, под конец ослепительно улыбаясь, - Они ушли за едой, поэтому ты будешь сидеть тут столько, сколько потребуется, пока репетиция не пройдет от и до.

Чонин застонал и рухнул на диван.

- А ты чего там встал? – Бэкхен недобро сверкнул глазами в сторону порядком офигевшего Кёнсу, - Раз собрался здесь остаться, найди себе место и не высовывайся оттуда.

Кёнсу оставалось только кивнуть и смотреть как Бэкхен, явно подавляя желание пнуть развалившегося на диване Чонина, уходит куда-то в подсобку.

Но кроме этого дивана в студии не было ни единого места, куда можно было присесть. Кёнсу осторожно приблизился и удивленно отметил, что Чонин уже спит. Вот так прямо и спит, словно ровно минуту назад его не отчитывал друг. Размеренно вдыхая и выдыхая, чуть сопя. Положив одну руку на глаза, а другую вдоль тела. Парень, к слову, выглядел безумно усталым, с темными, еще темнее, чем его кожа, кругами под глазами.

Кёнсу присел на пол возле дивана, побоявшись разбудить, и задумался, положив голову на колени.

Парень отчаянно пытался придумать оправдание или причину тому, где он сейчас находился, а самое главное почему. В голове пробегали противоречивые идеи, каждая глупее или невероятнее другой. Конечно, он устал. Конечно, ему надоело. Конечно, нужно было что-то менять. Но разве именно такой путь был правильным? Незнакомая обстановка, незнакомые люди, их незнакомые проблемы.

Кёнсу покосился на Чонина.

Он никогда не любил навязываться, всегда старался решать проблемы сам, всегда имел собственное мнение и собственные способы преодоления трудностей. Самым частым, конечно, был контроль. Но, как оказалось, не все можно было контролировать. Или можно было, но не всегда. За этими мыслями, откинувшись головой на диван, Кёнсу сам не заметил, как задремал.

Аккорды какой-то мелодии медленно проникали в сон Кёнсу, заставляя тянуться навстречу и в какой-то миг окончательно избавиться от дремоты.

«Где я?» - первая мысль заставила Кёнсу в ужасе подскочить на ноги, оглядывая место, в котором совершенно не ожидал проснуться.

Четверо парней в центре зала не обращали на него совершенно никакого внимания. Бэкхен тихонько пел, Чонин сосредоточенно перебирал струны на гитаре, а еще один вокалист и барабанщик, имен которых Кёнсу не знал, занимались разбором своих партий.

Музыка. Дорога. Мотоцикл. *Чонин*.

Вспомнив, Кёнсу расслабился, но его продолжали игнорировать, специально или нет. Словно Кёнсу не существовало. Словно о нем не хотели вспоминать. Словно он был чем-то ненужным, неуместным. Спустя какое-то время подготовка была окончена, а группа принялась исполнять вступление, постепенно перешедшее в полноценную песню.

Они играли The Rasmus - Sail Away.

Играли спокойно, тягуче, словно в этом не было ничего сложного. Кёнсу одиноко сидел на диване и слушал. Мелодия точная и четкая, явно много раз отработанная, но парня не покидало чувство обреченности, связанное со словами этой песни. Она так напоминала его жизнь. Кёнсу боялся думать, что у этих парней тоже имелись ассоциации с ней.

- Ну как? – темноволосый парень кивнул Кёнсу, когда песня закончилась.

- Эм...

- Не тормози, - на лице барабанщика появилась задорная улыбка от одного уха к другому, - Как песня?

- Отлично, - смущаясь, ответил Кёнсу.

- Чанель, о чем ты его вообще спрашиваешь? – Бэкхен закатил глаза.

- А что? – пожал плечами все тот же барабанщик Чанель, - Всегда интересно мнение со стороны, тем более что у нас так редко выпадает возможность его узнать. Чонин, это твой... друг?

- Нет, - безразличным тоном ответил ему гитарист.

- Меня зовут Кёнсу.

- И?

- И я попросил Чонина взять меня с собой.

- И?

- И все.

Группа недоуменно переглянулась, пожала плечами и продолжила играть. Кёнсу старался не думать, по какой причине они все разом подумали, что между ним и Чонином что-то есть. Просто наслаждался музыкой, тихонько подпевая и не сразу замечая, что Бэкхен и вовсе уже не поет, а мелодия стала значительно тише.

- Ты поешь, Кёнсу? – удивительно дружелюбно прозвучавший вопрос из уст Бэкхена насторожил.

- Не то что бы...

- Понятно, - не дав договорить, вяло скривился Бэкхен, возвращаясь к микрофону.

В девятом часу вечера, учитывая, что встретились Кёнсу и Чонин ещё до обеда, репетиция закончилась. Бэкхен, не прощаясь, просто ушел. Чанель и Чондэ, прежде чем отправиться по домам, поинтересовались у Чонина, когда он соизволит (пожелает) провести следующую репетицию, но на какой день было назначено, Кёнсу не услышал. Парень безумно хотел спать и есть.

- Ну чего, ты валишь домой или нет? – устало поинтересовался музыкант, складывая аппаратуру.

- Я... нет, - Кёнсу нахмурился, у него не было ни малейшей идеи, как себя вести и что делать.

- А есть куда?

Кёнсу только кивнул, хмурясь еще сильнее.

Чонин на секунду оторвался от своего занятия, оглядел Кёнсу и, складывая руки на груди, подошел к тому месту, где сидел парень.

- Что тебе конкретно нужно? Я не нанимался в няньки.

- Мне и не нужна нянька, мне нужно время, - серьезно ответил Кёнсу, поднимая глаза на Чонина.

Пару минут Чонин ничего не делал и не говорил, лишь глядел на него, чуть наклонив голову вбок и мысленно что-то взвешивая. Взгляд музыканта был тяжелым и холодным.

- Ясно, - только и ответил он, направляясь к выходу. – У меня много дел, так что будь любезен поторопиться.

Кёнсу резко вскочил на ноги, даже слишком, внутренне радуясь, что Чонин его не гонит.

- Спасибо, - рвано выдохнул парень уже в пустоту.

Мотоцикл снова остановился, но уже в темном переулке, а Чонин, легко спрыгнув на землю, прошел в дверь с надписью «Служебный вход». Кёнсу помялся с ноги на ногу, не зная, можно ли ему внутрь; не рассчитывал ли Чонин, что он будет следить за его мотоциклом всю ночь; стоило ли Кёнсу вообще затевать все это.

У парня начался приступ паники, завязанной на отсутствии контроля над ситуацией. Над незнакомой, пугающей ситуацией. Чонин, его единственная ниточка, бросил его, ничего не сказав. Он, Кёнсу, не знал, как ему поступить. Терялся и путался в мыслях. Кёнсу запустил руки в каштановые волосы, сжимая и тяня, пытаюсь привести себя в чувство или, наоборот, понять, что все сон и вскоре прекратится. Он бы и головой об стену побился, но вовремя появившийся в проходе Чонин, уже в черной облегающей футболке, демонстрирующей красивые руки, и в длинном черном фартуке официанта, который зрительно увеличивал итак не малый его рост, отвлек Кёнсу от этой идеи, привлекая все его внимание к себе.

«Красивый», - в который раз подумал парень.

- Чего встал? Тебе особое приглашение нужно? – не очень-то вежливо, но Кёнсу его не винил. – Ты собрался мерзнуть там всю ночь?

- А мне точно можно? – неуверенно уточнил Кёнсу.

Чонин только закатил глаза, скрываясь в проеме. Кёнсу напоследок несильно ударился головой о ближайшую стену, но все же последовал внутрь.

Черный ход вел, как оказалось, в один из ночных пабов, которые почти клубы, но не дотягивают до этого громкого имени по какой-то из причин: величине танцпола, известными диджеями, местом расположения, публике, которая их посещала. Стены раскрашены незамысловатыми граффити в основном с разными вариациями его названия. Потрепанные диванчики, побитая плитка на полу, несколько не очень трезвых сомнительных личностей. Внушительный охранник, петляющий между посетителями и цепляющийся к курящим, следующим на танцпол вниз по лестнице.

Но Кёнсу смог рассмотреть только некоторую часть, видневшуюся из-за стеклянного окошка в двери, ведущей в залы для посетителей, потому что пробежавший мимо Чонин с подносом с напитками и снеками рыкнул ему, чтобы тот не совался дальше комнаты для отдыха. Как Кёнсу понял, она же комната для переодевания, она же почти чулан три на три метра с рядом узких шкафчиков и единственным потрепанным диваном.

Спустя пару часов ожидания голод стал практически невыносим. Еще через какое-то время, но, слава богу, не долгое, в комнату с единственным диванчиком влетел какой-то красноволосый, миловидный парень и без лишних разговоров, но с улыбкой на лице,

наклонился и поставил перед Кёнсу тарелку с бутербродами и бутылку воды.

«Лухан», - прочитал Кёнсу на бэйджике.

- Покушай, - быстро сказал он, - Чонин заканчивает в 5, тебе еще долго тут торчать. Наверху на шкафчиках есть подушка и плед, если захочешь отдохнуть. Все, я пошел.

- Спасибо, - в который раз Кёнсу говорил эти слова в закрытую дверь.

Кёнсу последовал совету и даже очень быстро уснул, пристроившись между подлокотником и спинкой, дабы не занимать все место, однако несколько раз просыпался, натываясь мутным взглядом на прибывавших и уходивших работников, совершенно не волновавшихся по поводу спящего парня, словно подобное было в порядке вещей.

Спросонья Кёнсу благодарно улыбнулся собиравшемуся уходить Лухану, собираясь уже сказать что-то и в слух, но еще один парень, блондин, стоявший позади, его рвения не оценил.

- Кто это? – грубовато уточнил он, кивая в сторону Кёнсу.

- Сехун, отвали, - закатил глаза красноволосый, складывая в шкафчик передник и футболку. – Он с Чонином вроде. Во всяком случае, он пришел с ним, а Чонин попросил меня в перерыве занести сюда пару бутербродов.

Кёнсу смущенно покраснел от неожиданной заботы совершенно незнакомых ему людей, особенно от Чонина, который, как казалось до этого момента, вообще не проявлял интереса к состоянию навязавшегося ему парня.

Названный Сехуном расслабился, но вновь спросил что-то у Лухана, понижая голос, чтобы их не услышали, на что красноволосый скривил лицо, покачал головой, неожиданно громко хлопнул дверцей шкафа и вышел, бросив что-то вроде «Мы уже об этом говорили, Сехун. Даже не пытайся больше» напоследок. Блондин вздохнул и расстроено потер рукой переносицу, небрежно хлопнув дверцей и выходя из комнаты.

Кёнсу поспешил закрыть глаз и попытаться вновь уснуть, лишь бы только не задумываться о том, что творилось вокруг него. Он словно находился в свободном падении, но сам не знал, куда падал. Кёнсу сегодня только и делал, что спал, чувствуя, что только таким образом можно уменьшить силу ударившего по его не привыкшим к такому стрессу нервам.

Чонин пришел поздно, завалившись на диван и будя Кёнсу, видевшего какой-то липкий, черный сон, за что парень был даже благодарен. Чонин усталым голосом скомандовал «Собирайся» и, кое-как переодевшись, поплелся к своему мотоциклу. Кёнсу сомневался, стоит ли парню в таком состоянии садиться за руль, но даже в страхе за свою жизнь побоялся что-либо говорить Чонину, который, как затем оказалось, гнать не стал, а на

вполне удовлетворительной скорости доехал до нового пункта назначения, совершенно не известного Кёнсу, но знакомого Чонину.

Поднявшись на 7 этаж многоэтажки, Кёнсу оказался в квартире Чонина.

Спустя полчаса на душ для него и для себя, Кёнсу оказался не где-то, а в спальне перед кроватью Чонина. Словом, он жил в студии, так что по правую руку была уже гостиная - она же кухня, но все равно...

- Может, я лучше на диване... или... на полу? – волнуясь, спросил Кёнсу у парня, мертвым грузом бухнувшегося на не очень широкую полутороспальную кровать.

- У меня нет дивана, а на пол нечего стелить, - промямлил в ответ Чонин, поворачиваясь на живот и кладя голову на сложенные руки.

Кёнсу сомневался. Очень сомневался, но все же лег. Выбора не оставалось.

Было немного тесно, а некстати обнаженная спина Чонина, вздымавшаяся от размеренного дыхания мигом заснувшего парня, отвлекала. Кёнсу, дабы сохранить свое сердце в покое, только почувствовав предательское биение, выходящее за рамки контролируемого, нормального, планируемого, подтянул отброшенное Чонином покрывало и укрыл их обоих, благоразумно повернувшись к парню спиной.

Так прошел первый день другой жизни, которую Кёнсу не планировал. Жизни, в которую его взял Чонин.

Глава 2

Кёнсу проснулся резко и с головной болью. Парень сел в кровати и теперь уже при дневном, ярком свете осматривал небольшую квартиру Чонина, пугаясь собственной наглости и искренне надеясь, что не сошел с ума от череды этих пустых, неконтролируемых выходных.

Рядом уже никого не было.

Кёнсу искренне паниковал, ерзая в кровати. Он пару раз скинул с себя одеяло, затем снова укрылся с головой, потом повертелся с бока на бок, пытаясь унять раздражающие, пугающее чувство в груди, которое посылало электрические импульсы в голову и заставляло думать, думать, думать, но в основном ни о чем и безрезультатно.

Его пугала незнакомая обстановка, его пугал незнакомый Чонин, вышедший из ванной и молча уставившийся на расширенные от страха глаза Кёнсу. Его большие, выразительные глаза, которые смущали и привлекали огромное количество народу, не давали возможности быть принятым всерьез, но Чонина совершенно не интересовали. Парень только удивленно смотрел на незнакомца в собственной кровати, трясущегося словно осиновый лист, да и вот-вот собирающегося заплакать. Или впасть в истерику. Ни тот, ни другой вариант брюнета не устраивал.

- Только не говори, что сейчас разревешься, - закатил глаза Чонин, складывая руки на груди и прислоняясь спиной к двери, из-за которой только что появился.

Кёнсу лишь замотал головой, становясь мрачнее, но вот плакать он вроде как и правда не собирался. Чонин скептически оглядел его, приподнимая бровь.

- Тогда зачем решил так круто поменять жизнь, если не готов? – как бы между прочим, абсолютно не заинтересованным тоном, уточнил парень, подходя к высокому столу, на манер барной стойки, отделяющему жилую часть от кухонной.

- Как ты... догадался? – чуть хриловато спросонья спросил Кёнсу, неотрывно следя за лицом и манипуляциями Чонина, включающего кофеварку.

- Ну, - парень пожал плечами. – Человек, у которого есть куда пойти, вряд ли будет так умолять первого встречного взять его с собой, да и вернуться вчера ты не особо горел желанием. Ты все время пугаешься, тебя везде приходится подгонять. Я не силен в психологии, но сто процентов уверен, что ты устал от своей жизни, какой бы она ни была, опять же не знаю почему. И не хочу знать, в принципе, - уточнил Чонин, в ожидании укладывая голову на руку. – Мне все равно, оставайся, ходи за мной сколько влезет. Только ты мне скажи, сколько именно рассчитываешь крутиться под ногами и жить за мой счет.

- Прости... - обреченно протянул Кёнсу, подтягивая к себе ноги и опуская голову на колени.

- То есть ты сам не в курсе, сколько тебе нужно, чтобы прекратить заниматься ерундой и

вернуться в свою жизнь? В принципе, это ожидаемо. Но ты реально мешаешь.

Это было грубо. Кёнсу дернулся, бросая взгляд в сторону Чонина.

- Я... я правда не знаю! – выпалил парень, - Тебе не интересны причины, значит понять ты меня не сможешь, но а заплатить тебе я не смогу, все что у меня есть – 50 000 вон! Если все так сложно, зачем ты меня взял с собой? Это было вовсе не обязательно. Посмотрел бы на меня как на сумасшедшего и оставил. Как все, в принципе, - последние слова Кёнсу пробубнил себе под нос, смахивая с горящих щек появившиеся, наконец, слезы.

- Понятно, - только и ответил Чонин, потягивая свежий кофе и отворачиваясь к холодильнику.

Кёнсу тем временем все никак не мог собрать себя в кучу. Он все плакал и плакал, тихонько всхлипывая и коря себя в основном за то, что уродился не таким способным, серьезным, сильным и «презентабельным». Он не считал себя талантливым, да и все вокруг только унижали его достоинства, так что со временем и Кёнсу решил, что их нет. За каких-то два месяца бесконечной череды выходных.

Кёнсу обхватил себя за голову, отдаваясь истерике. Слезы текли рекой, застилая глаза. Всхлипывания участились. Кёнсу мысленно говорил себе «Нет! Нет! Нет! Так не должно быть! За что?! За что это мне?! Все было так хорошо...» И мотал головой, словно усиливая ощущение от их слов. Он не мог вырваться, не мог успокоиться. Боль кромсала внутренности, царапая сердце своими острыми когтями.

Откуда-то издалека послышался безразличный голос Чонина «Ладно, оставайся тут, а я по делам», что напугало парня еще сильнее. Его словно опустили в ледяную воду, а спустя пару секунд понимания, что это значит, вытащили обратно.

- Нет! – крик Кёнсу был отчаянным.

Таким, что даже Чонин повернулся к нему с удивленным и немного напуганным выражением лица.

- Не оставляй меня! – взмолился парень у хозяина дома, тут же оказываясь ближе к краю кровати и делая попытку выбраться из одеяла и встать. – Все что угодно, только не оставляй меня одного!

- Стой! – Чонин в последний момент поймал Кёнсу, который, застряв в одеяле ногами, едва не полетел на пол вниз головой.

Руки Чонина на запястьях Кёнсу вогнали последнего в краску так сильно, что он уже хотел было отпрянуть назад, но все эти же ладони не дали ему это сделать, встряхивая с огромной силой.

- Прекрати вести себя как ребенок! – зло проговорил брюнет, глядя прямо в глаза Кёнсу.

- Все что угодно, только не оставляй меня одного, - снова попросил Кёнсу, более спокойно, даже забывая про близость к Чонину.

- Там, куда я иду, мне не нужны припадки и истерики, - тоже спокойнее проговорил парень.

- Не будет истерик, - заверил его Кёнсу.

«Слишком близко», - Кёнсу выдернул руки из хватки Чонина, который немного удивился резкости, но говорить ничего не стал, вместо этого холодно кинув «У тебя 10 минут, я жду».

Кёнсу, чувствуя дрожь в ногах и странное ощущение в запястьях, за которые его держал Чонин, только кивнул и тут же, подхватив свои вещи со стула, отправился в ванную одеваться.

Кёнсу как всегда не знал, куда его везут, поэтому сидел тихо и не задавал вопросов, но когда мотоцикл Чонина приблизился к небольшому зданию, надпись на котором гласила «Театр современного танца», у него язык зачесался от желания задать миллион и один вопрос.

- Мы точно сюда? – вопрос сорвался с губ Кёнсу, пока Чонин парковался.

- Да.

- Ты здесь работаешь? – снимая с себя шлем и передавая его брюнету, вновь поинтересовался парень.

- Да.

От сухих ответов Чонина стало не по себе, и Кёнсу замолчал.

Брюнет явно торопился, а Кёнсу решил вести себя умнее и тихо следовал за ним, куда бы он не направлялся. Пройдя через фойе, Чонин свернул в сторону гримерок, откуда ему навстречу выскочил парень в майке и штанах, не облегающих, но и не узких, а на голове у него красовалась маска, заблаговременно сдвинутая назад для удобства.

- О, Кай! – обрадовался незнакомец. – Наконец-то ты пришел, режиссер просто рвет и мечет.

- Чего вдруг? На прошлой репетиции он прыгал от счастья, – нахмурился брюнет или... Кай?

Кажется, свою мысль Кёнсу произвольно сказал вслух, со всем присущим его мыслям скептицизмом, потому что Чонин медленно обернулся к нему и выжидающе уставился.

- Что-то не так? – в голосе была... угроза.

- Нет, - Кёнсу даже выставил руки вперед, махая ими для большей убедительности, - Просто удивился и все! Я ничего не имел в виду!

- Вход в зрительный зал по коридору прямо и направо, - сухо ответил Чонин, давая Кёнсу понять, что ему нужно уйти и никак не комментируя остальное.

- Да, хорошо, – опустив голову, парень направился по указанному направлению.

- Кто это? – спросил незнакомец, провожая его взглядом, - Твой друг? Парень?

- Никто, - бросил Чонин, а сердце Кёнсу сжалось. – Пойдем, Исин, выясним, что опять не так с Крисом.

Заняв место где-то в середине портьера, чтобы не мешать спящим туда-сюда немногочисленным работникам и актерам театра, Кёнсу погрузился в свои нерадостные мысли, несколько забывая об обещании Чонину не впадать в истерику. Собственно, истерики и не было, но смотря на слабоосвещенную сцену, незнакомых парней и девушек, определенным и весьма монотонным образом передвигающихся по сцене с белыми книжечками сценария в руках, он утонул в тяжелых раздумьях.

Кёнсу невероятно испугался собственных действий, приведших к настолько неконтролируемым изменениям в его размеренной жизни, что было сложно сказать, чем это все может закончиться. И закончится ли, потому что вернуться он тоже не мог. Не мог заставить себя даже мысленно подойти к входной двери своей квартиры. Не мог заставить себя вновь открыть ее и заглянуть внутрь, открыть холодильник с просроченной едой, открыть шкаф с одинаковыми офисными костюмами преимущественно серых, черных и синих оттенков.

Но что ему делать, такому бесполезному, рядом с Чонином, который и сам не рад, что сжалился вчера над Кёнсу и втянул тем самым в свою жизнь. Он ему «никто», а вынужден возиться как с «ребенком», который и сам не знает, что ему нужно.

«Время», - подумал Кёнсу. – «Но для чего?»

Что изменит это самое время в его случае?

Это ведь не касается выбора. Это не рассуждения, купить зеленый свитер или красный. Это не выбор старшей школы или профессии. У него все это уже есть, но не хватает все равно чего-то безумно важного, чего-то, что по всей видимости есть у Чонина. Он спокоен и счастлив от жизни, в которой у него столько разной работы, увлечений, даже друзей.

У Кёнсу же нет ничего, в буквальном смысле.

Неконтролируемые, но такие ожидаемые слезы застилали глаза и с каждой новой мыслью опускали Кёнсу все глубже в отчаяние. Он так не любил незапланированное. Он так ненавидел, что не мог контролировать себя, до безумия нуждался в чем-то, что помогло бы ему определиться наконец, но это что-то месяцами не приходило, поэтому он сбежал от самого себя. Слезами горю не поможешь, но Кёнсу давал им течь, считая, что сойдет с ума, если будет продолжать держать себя в руках. Когда всхлипы от тихих перешли в более сильные, гортанные, всхлипы боли, парень, поймав взгляд нескольких актеров, высокого блондина, которого до этого не замечал и... Чонина, резко закрыл лицо руками, а спустя пару секунд вскочил со своего места и бросился прочь из зала.

Возможно, лучше просто уйти в никуда, чем мешать жить человеку, который ни в чем не виноват и смущать своим присутствием его друзей и знакомых. Он обещал не впадать в истерику, не вести себя как ребенок, но банально не смог с собой совладать.

Резкий рывок назад остановил Кёнсу в фойе, но парень не обернулся.

- Куда ты? – ожидаемая грубость в голосе еще сильнее убедила его.

- Отпусти, - слегка дрожащим голосом, но вполне жестко сказал Кёнсу, дергая рукой.

- Я спросил тебя, куда ты направился, - Чонин отпустить его не собирался.

- Просто отпусти меня и дай, наконец, уйти, - даже со злостью в голосе уже потребовал Кёнсу, - Я же для тебя это делаю – будешь жить мирно и спокойно, словно меня и не было. Зря я на тебя повесил свои проблемы.

- Тебе и вешать на меня нечего было, все проблемы в твоей голове, - Чонин хмыкнул, беря парня за вторую руку и разворачивая к себе, - И не для меня – только для собственного эгоизма, потешить разыгравшуюся жертвенность.

- Да что ты знаешь обо мне? – не на шутку вспылил Кёнсу, отталкивая Чонина от себя.

- Ничего, - просто ответил парень, делая шаг вперед, - Но в то же время очень много. Я тебя *понимаю*, пусть это меня никак не радует.

- Что ты можешь понять? – Кёнсу кричал от злости на парня, возмнившего себя самым умным.

- Многое, Кёнсу, - Чонин взлохматил волосы, собираясь с мыслями.

Официант, танцор, музыкант – такая разнообразная жизнь, но посвящать в то, как Кай к этому пришел он никого и никогда не собирался. И сейчас думал, стоит ли ради какого-то пучеглазого найденыша переворачивать собственный мир, но ведь он так похож. И не похож одновременно. Чонин всегда был сильным. Он ушел, убежал тогда по своей воле; он знал, что ему было нужно, а этот упрямый идиот ничего не знает вообще. Но ведь обстоятельства могут быть другими, верно?

- Мы поговорим, - Чонин решил, - Я расскажу, и ты расскажешь, но сейчас мне правда

нужно репетировать.

Кёнсу смотрел на парня с нескрываемым удивлением, но обещание его успокоило, даже сбило пыл, и он явственно увидел всю картину своего некрасивого и неуместного поведения. Ему ментально стало стыдно.

- Я могу... вернуться? – прошептал Кёнсу, наклонив голову и пряча красные щеки.

- Конечно, - гораздо добрее ответил Чонин.

На время отбросив ненужные мысли и заперев их в голове в режиме ожидания, Кёнсу, наконец, обратил внимание на творившееся на небольшой сцене театра. Высокий блондин по имени Крис раздавал строгие указания, поправлял абсолютно всех танцоров и, как казалось парню, довел Чонина до белого каления, хотя тот особо виду и не показывал. Терпеливый или просто заинтересованный Исин каждый раз во время нового замечания бросал взгляд в сторону танцора, словно проверяя, не настал ли *момент*.

- Кай, зачем так спину выгнул? – ругался Крис, - Ты вообще помнишь танец, а?

- Помню, - спокойно, на удивление Кёнсу, ответил он, поправляя позицию.

- И теперь неверно! – всплеснул руками режиссер.

- В прошлый раз же все нормально было... - попыталась возразить какая-то девушка, партнерша Кая.

- Прошлый раз был два дня назад, но проанализировав ситуацию, я пришел к выводу, что Кай не слишком старается, - пояснил Крис, делая упор на имени танцора.

Кёнсу не знал, показалось ли ему, но на секунду Чонин вроде как закатил глаза, на что парень тут же отчетливо отметил предостерегающий взгляд Исина.

- Но ведь до премьеры неделя. Нельзя вечно заикливаться на каких-то незначительных местах, забывая, что еще куча всего в принципе ни разу не было отрепетировано, - устало заметил высокий темноволосый парень с явным китайским акцентом.

- Тао, милый, - елеиным голосом, но со скрытой (или не очень) угрозой прошипел блондин, - Я тебя уверяю, я заикливаюсь только на самом важном! – конец предложения парень просто проорал. – И раз уж наш озабоченный танцор играет главную роль, делать должен все максимально идеально.

- Крис, хватит, - просительным голосом обратился к режиссеру Исин.

- Так, продолжаем с того же места, - скомандовал Крис, хлопая и бросая взгляд на музыкантов.

Кёнсу вообще ничего понять не мог. Из того, что он видел, Чонин был невероятным:

гибким, пластичным, словно вода подвижным и тягучим. Его движения были настолько выразительными, что парень даже не сразу понял, что придирается Крис именно к нему, а не к какому-то другому Каю. И сложно было осмыслить такую кротость парня в отношении режиссера. И все эти взгляды Исина. И главное такую неоднозначную реакцию Криса на просьбу парня.

Репетиция с нередкими остановками длилась до самого вечера, а вымотанная труппа и слова не говорила своему режиссеру, попросив разве что один короткий перерыв за все часы работы, дабы тупо сходить в туалет и попить воды. Кёнсу молча наблюдал за танцорами-актерами, восхищался их умениями и красотой движений. Вслушивался в шикарную музыку, которая трогала до глубины души, но никак не мог угадать композитора, считая, что театр пользуется уже готовыми классическими мелодиями, разве что немного обрабатывая на современный лад.

Освещение тоже вводило Кёнсу в благоговейный трепет, потому что прожектора и музыка словно сговорились, спелись, станцевались, иначе как можно было объяснить, что секунда в секунду, мгновение в мгновение происходила смена световых эффектов под сопровождение легких барабанных битов, гитарных аккордов и каждого полосновения смычка по струнам скрипки. Полное физическое и психологическое воздействие, введение в транс буквально. Оторвать взгляд от сцены было просто невозможно и парень чувствовал, что не должен здесь находиться хотя бы потому что нет причин ему видеть всю эту красоту раньше, чем честных зрителей, в отличие от него заплативших за билет.

Внезапная для него остановка музыки, светопереливов и действия на сцене привели к некоторому разочарованию.

- Так, на сегодня все, - труппа устало похлопала, еле уползая в сторону гримерок.

Для Кёнсу это было знаком выйти из зала, но блондин, увидев фигуру, тенью проскальзывающую меж дверей, окликнул его. Не по имени, но он явно был единственным, к кому могли обращаться с таким громким «Эй!».

- Д-да? – несколько боязно поинтересовался Кёнсу, помня о строгости режиссера и уже надумав себе гневных тирад с его участием.

- Ну как? – такой вопрос поставил парня в тупик.

- Не понял, - честно признался он.

- Как тебе наш театр? – вполне дружелюбно поинтересовался Крис, оглядывая Кёнсу с ног до головы, останавливая взгляд на его красивом лице с большими глазами.

«Не такой как все».

- Очень круто, - эти самые глаза заблестели, сквозь честным восхищением.

- Не сомневаюсь, - голос Криса стал в несколько раз жестче, а рукой несильно схватил

Кёнсу за плечо, - Я не знаю, кто ты, но даже если ты пришел с Каем, лучше не отвлекай его от репетиций и уж тем более не смей никому рассказывать о том, что здесь увидел.

- Я не понимаю... - удивленно и даже в страхе парень попятился назад, выскальзывая из хватки режиссера.

- Крис, лучше отстань от него! – предупреждение в голосе не ускользнуло даже от Кёнсу, когда Чонин подошел к ним и встал так, чтобы спиной его закрывать от блондина.

- Я тебя предупреждал, - складывая руки на груди, грубо отчеканил Крис.

- Ифань, расслабься, - из ниоткуда появился Исин, кладя одну руку на плечо парня.

- Ты вылетишь отсюда, если что-то случится, - напоследок пообещал названный Ифанем и, потянув Исина за собой, удалился. - Мы все вылетим, - бросил он не оборачиваясь.

Чонин молчал и смотрел вслед уходящим парням, что-то явно обдумывая, причем весьма серьезно и сосредоточенно. Вздохнув, он развернулся к Кёнсу.

- Пошли уже, мне на работу надо, - устало бросил Чонин, делая несколько шагов к двери.

- Прости меня, - быстро проговорил Кёнсу, на самом деле ничего не понимая.

- Ты ни в чем не виноват, - еще раз устало вздохнув, парень развернулся. – Если ты, конечно, не шпион, желающий этому театру долгой и мучительной смерти от жутких слухов и недостатка зрителей.

Посмотрев в расширившиеся от безмолвного удивления глаза Кёнсу, Чонин только еще раз глубоко и тяжело вздохнул, опустил голову, сам себе ей покачал и вышел.

Прибыв к уже знакомому служебному входу уже знакомого бара, Кёнсу понял, как же сильно он устал из-за всех тех непонятных переживаний и ситуаций этого дня, сложившихся в безобразную картину настроения парня. Чонин же, несмотря на явную усталость после длительных репетиций, целенаправленным и быстрым шагом скрылся за той же обшарпанной дверью, что и вчера. Кёнсу тоже знал теперь, куда ему нужно идти.

Направившись в знакомую подсобку-раздевалку, Кёнсу тут же из нее выскочил, как ошпаренный, прокручивая в голове представший перед ним страстный поцелуй двух парней, одним из которых был уже известный ему Лухан, определяемый по красной голове, а вот второго он не узнал. Да и какая разница, когда эти двое абсолютно не стеснялись, занимаясь подобным прямо на работе.

Проходивший мимо Чонин вопросительно уставился на зардевшегося Кёнсу, в ожидании подпирающего стену. Переведя взгляд на дверь, парень нахмурился, а когда Кёнсу, сам не зная куда себя деть, хотел помешать ему подойти и увидеть занятую парочку, в голове официанта что-то щелкнуло от понимания.

- Лухан, Минск! – грохот, который и стуком в дверь назвать сложно, сопровождал крик Чонина. – Вылезайте уже оттуда.

Спустя несколько мгновений дверь открылась, показывая миру совершенно не смущенного Лухана.

- О, привет, - узнав Кёнсу, парень с озорной улыбкой протянул ему руку. – Ты снова тут?

- Д-да, - нервно улыбаясь в ответ, отозвался темноволосый.

- Чонин, - он уже не улыбался, обращаясь к официанту, - Чего так орать, а?

- Смена Минсока началась 15 минут назад, а ты вообще вали домой, - пожав плечами, парировал Чонин.

- Да иду я, иду, - невысокий парень с рыжими волосами и невероятно красивыми глазами на круглом лице выскочил из подсобки, поправляя фартук.

- Надеюсь, вы за собой убрали, - закатил глаза Чонин.

- Ничего такого не было, - усмехнулся Лухан, перед уходом притягивая к себе довольного Минсока и целуя в губы прямо на глазах у итак абсолютно красного Кёнсу, - Всем пока.

- Я пошел в зал, - оглядев странного нервного паренька и подмигнув Чонину, ушел и Минск.

Кёнсу смотрел исключительно перед собой. Он не был дураком и не только что на свет родился, но никогда не позволял себе так открыто выражать привязанность на людях, тем более зная, что она нетрадиционная. Красивая пара и их поцелуй вывели парня из только недавно установленного равновесия и контроля над собой. Их поведение и открытость взбунтовали в Кёнсу незапланированные чувства и эмоции. Неожиданно даже для самого себя, он захотел почувствовать себя на их месте, почувствовать себя любимым, *нужным*.

- Чего застыл? – оказывается, Чонин никуда не ушел и так и продолжал смотреть на выпавшего из реальности парня.

- Они такие... - медленно проговорил Кёнсу, подбирая точный эпитет, - Такие...

- Бесстыжие? – усмехнулся официант.

- Нет, - Кёнсу только покачал головой, усиленно думая над правильной формулировкой. – Они... свободные.

- Да, - неожиданно согласился Чонин, - Они действительно свободные. От предрассудков, от самокопания, от самоосуждения.

- От самоконтроля и страха, - добавил Кёнсу, чувствуя, как сжимается его сердце.

- Но они все-таки бесстыжие, - со смешком заключил Чонин, желая чуть расслабить создавшуюся атмосферу.

- И это тоже, - внезапно для самого себя искренне улыбаясь, согласился Кёнсу.

- Все, я пошел, - глядя на наручные часы, сказал официант.

- Удачи, - кивнул парень, скрываясь за дверью.

Кёнсу так и проспал бы всю смену Чонина на диванчике, если бы не банальное желание посетить мужской туалет. Как оказалось, туалет специально для персонала отсутствовал, поэтому для того, чтобы попасть в общий и единственный, было необходимо выйти в зал, а затем пересечь его целиком до противоположной стороны. В одну сторону Кёнсу справился с этой задачей совершенно спокойно, но на обратном пути к нему подкатил какой-то странный парень выше его ростом и с наглым алкогольным выражением лица.

- Привет, - Кёнсу лишь нахмурился не желая ни с кем разговаривать, - Я никогда тебя здесь не видел. Первый раз?

Игнорировать человека для Кёнсу всегда сложно. Он в принципе не очень любил новые знакомства, стесняясь себя, стесняясь эмоций, таких непривычных и новых, которые всегда возникали в присутствии людей, особенно если подтекст романтический. Особенно если они очень наглые и не понимали сразу, что с ним не хотят разговаривать. И особенно если хватали, как сейчас, за предплечье, останавливая и мешая идти по выбранному курсу подальше от неконтролируемых ситуаций.

- Эй, я вопрос задал. Молчать по меньшей мере не вежливо, - развязно и тошнотворно игриво настаивал незнакомец.

Кёнсу отдернул руку, выворачиваясь из захвата, и обошел незнакомого парня, намереваясь прибавить шагу и скорее же скрыться за спасительной обшарпанной дверью с круглым окошком.

- Эй, стой, стой, - игривость в голосе приставалы пропала, - Игнорировать меня решил? Дерьмом меня считаешь?

Кёнсу, удивившись такому необоснованному выводу, повернулся и уставился на немного накаченного, вполне привлекательно брюнета, а тот в свою очередь не преминул воспользоваться ситуацией и, обхватив его за плечи, прижал к себе, тут же перемещая одну руку на поясницу, а затем и сдвигая вниз, в опасную близость с его, Кёнсу, задницей.

- Эй! – возмутился темноволосый, упираясь руками ему в грудь, - Отвали!

- Да ладно тебе, мы потанцуем, поиграем, повеселимся вместе, - дыхание парня на таком коротком расстоянии вызывало у Кёнсу тошноту.

Драться и в принципе применять физическую силу, которой, к слову, Кёнсу особенно не обладал, было не в его правилах. Он всегда либо избегал конфликт (не вышло), либо решал его правильными словами или извинениями (не выйдет). Потому то и отшить этого парня ему не удалось. Хотя Кёнсу так же понимал, что изначально повел себя с ним неправильно, но опыта в таких ситуациях у него в принципе не было.

Находясь в раздумьях, куда лучше бить, и получится ли это у него вообще, Кёнсу услышал знакомый голос, сквозивший нотками возмущения и угрозы.

- Эй, что тут происходит?

- Ой, Чонин, отвали, - бросил наглый парень, покрепче и поудобнее обхватывая Кёнсу за пояс и прижимая к себе, вызывая тем самым у него приступ паники и судорожных попыток вырваться из объятий.

- Джонг, отпусти его, - Чонин подошел ближе.

- Что пристал? Не видишь, мы с милашом развлекаемся, - ухмыльнувшись, названный Джонгом потянул Кёнсу в противоположную сторону совершенно не обращая внимания на его сопротивление.

Кёнсу не видел ни лица, ни реакции Чонина, но отчаянно молился, что он поможет ему. Отвращение, которое вызывал этот Джонг, душило Кёнсу. В отчаянии он резко дернулся, отчего парень на секунду разжал руки, но этого времени явно не хватило, чтобы вырваться. Единственное изменение – Джонг теперь тянул Кёнсу за руку.

Чонин не вмешивался, видимо, посчитав, что он может справиться сам. Но Кёнсу не мог. Завидев парня, с сомнением поглядывающего в их сторону, но затем уже делающего шаг в сторону служебки, Кёнсу не выдержал и позвал его.

- Чонин...

Официант дернулся и обернулся, глядя прямо на Кёнсу, одними губами произносящего «пожалуйста». Глаза парня, полные страха и мольбы привели Чонина в чувство, и он быстрым шагом догнал Джонга, удерживая его одной рукой за плечо, а другой выдирая из мертвой хватки запястье Кёнсу и заводя парня себе за спину.

- Я тебя предупредил же, отпусти его и вали.

- Чонин, если хочется развлечься, найди себе другого, - прошипел Джонг, - Я его первым увидел.

Кёнсу всегда пугал напор, особенно если он был смешан с долей самоуверенной вседозволенности.

- Сомневаюсь, - официант показательно поднял руку Кёнсу вверх, затем плавно скользя по коже дрогнувшего от неожиданности парня, переплел их пальцы.

- Не верю, - хмыкнул Джонг.

- Кёнсу? – Чонин не очень громко, но вполне слышимо, позвал его, наклонив голову вбок.

- Чт... - но Кёнсу договорить не успел, застыв от внезапного прикосновения теплых мягких губ к своим.

Касание длилось секунды, но для Кёнсу это было сродни ядерной бомбе, взорвавшейся в его голове. Страх поднялся из глубины души, сковывая движения и заставляя распахнуть глаза до, казалось, максимума. Но он не сопротивлялся. Просто не мог, даже если бы хотел. Со страхом в груди появилось еще какое-то незнакомое, необычное и совершенно неожиданное чувство. Кёнсу же стоял столбом, не замечая ничего вокруг, даже уже после того, как Чонин оторвался от его губ, бросив напоследок Джонгу что-то едкое, и потянул парня за собой.

Очнулся Кёнсу уже в комнате, сидя на диване.

- Зачем ты поцеловал меня? – на удивление ровным голосом спросил парень, глядя на официанта, прислонившегося спиной к шкафчикам и хмуро уставившегося на самого Кёнсу.

- Поверь, Джонг бы просто так не отвалил, - Чонин пожал плечами, выпрямляясь и открывая дверь, чтобы уйти, - Он сын хозяина клуба и еще очень наглая и высокомерная личность. Прости, если тебе неприятно. Мне казалось, тебе нужна была моя помощь.

- Но не таким же образом! – внезапно Кёнсу охватило возмущение.

- А каким? – резко переспросил парень, - Или мне нужно было рискнуть работой, дабы набить морду сыну босса, учитывая, что ты мне по сути никто? Я в принципе не обязан разбираться с твоими воздыхателями, не находишь? Или ты *настолько* слаб, что даже в такой ситуации постоять за себя не можешь? Как ты собираешься жить дальше? Как ты вообще дожил до своего возраста? Запирался в комнате и читал книжки? Надело, решил пойти прогуляться? Ты гребанная Рапунцель, что ли?

- Все равно, я живой человек, поэтому нельзя так бесцеремонно врываться в чужое пространство, - зло проговорил Кёнсу, чувствуя, как пылают его щеки от слов Чонина.

- А то что Джонг несколько долбанных минут лапал тебя, а не вмешайся я, по твоей просьбе, кстати, он бы трахнул тебя прямо на рабочем столе папаши, типа нормально?

- Кончено нет! – возмутился темноволосый, запуская руки в волосы и мотая головой из стороны в сторону, дабы избавиться от вновь нахлынувшего чувства тошноты.

- Тогда забей на драму и успокойся уже. Все, мне пора возвращаться к работе, - холодно

бросил Чонин, прежде чем оставить рыдающего от омерзения и разочарования Кёнсу в раздевалке.

Омерзение было вызвано ситуацией с Джонгом. Разочарование разливалось в сердце из-за отношения Чонина. Хотя чего он вообще ждал? Парень был прав от и до. Кёнсу ему абсолютно никто. Кёнсу навязался ему и продолжает раз за разом это делать снова. Кёнсу только и делает, что психует и злится, даже не пытаюсь прикладывать усилий, чтобы держать себя в руках. И Кёнсу действительно был *слаб*. И физически, и морально, и душевно, и характером, как он считал. Нет, Кёнсу искренне верил, что старался быть сильнее, но в такие моменты открывается правда и он уже был готов признать, что все попытки напрасны.

Чонин не делал ему больно специально, он просто обнажал болезненную правду.

Кёнсу в который раз за день потонул в собственных переживаниях и страданиях, не чувствуя ни голода ни жажды, хотя за весь день не съел ни кусочка, а воды из кулера перехватил в театре. Парень опустил голову на мягкий подлокотник дивана, складывая руки на груди и смотря в одну точку, полностью отдаваясь эмоциям. *Жалея себя.*

Это единственное, что у Кёнсу хорошо получалось.

Спустя достаточное долгое время слезы перестали литься из глаз, но все еще не покидали свое место. Однако благодаря этой передышке, Кёнсу смог заснуть тревожным сном, ожидая Чонина, чтобы поехать к нему домой.

Попав, наконец, в квартиру Чонина в четвертом часу утра, Кёнсу был вымотан не меньше самого танцора, а по совместительству и официанта. Усталость давила на плечи, заставляя плестись к кровати, но в то же время видеть целью только ее. Чонин был чуть бодрее, но лишь потому что не находился в жуткой депрессии, как Кёнсу.

Завалившись, наконец, на горизонтальную поверхность, манящую единственной мягкой подушкой, парни устроились на спине, давая усталости и напряжению выливаться из конечностей и позволяя себе расслабиться.

- Чонин, ты сказал, что мы поговорим... - неуверенно начал Кёнсу, поворачивая голову в сторону парня, лежавшего с закрытыми глазами.

- Я помню, - ответил он.

- Эм... - Кёнсу не знал, что сказать, потому что даже не представлял, о чем конкретно Чонин хотел поговорить.

- Завтра, Кёнсу, - Чонин перевернулся на живот и отвернул от него голову.

- Хорошо, - со вздохом ответил темноволосый приживала.

Тиканье настенных часов, огни проезжавших машин и фонарей из большого, на всю стену высотой, окна, тихий шум холодильника – все это почему-то вдруг мешало Кёнсу уснуть, заставляя задумываться надо всем и одновременно ни о чем.

Он думал о театре, в котором танцевал Чонин. Думал о словах, сказанных ему после разговора с Крисом. Думал о его работе официантом в таком захудалом месте. Думал о его знакомых, таких свободных и бесстыжих. Кёнсу даже внутренне улыбнулся на эти воспоминания.

И Кёнсу вспомнил еще одно увлечение парня, его группу. Вспомнил того резкого блондина и вполне приятных барабанщика и другого вокалиста.

И понял, как много он думает о Чонине.

И еще появился вопрос, который Кёнсу не смог удержать.

- Чонин? – на пробу позвал он, не сомневаясь, что парень уже спит.

- Что? – протяжно, немного с раздражением, но почти сразу.

- О... ты не спишь? – Кёнсу удивленно повернул в его сторону голову, носом практически уткнувшись Чонину в плечо.

- Как видишь.

- Могу я задать вопрос? – осторожно уточнил парень.

- Попробуй, - Чонин повернулся на бок и оказался прямо перед Кёнсу, который тут же смутился и уже не был уверен, что вообще сможет этот вопрос задать, потому что Чонин был слишком близко.

Неожиданно и незапланированно.

- П-почему Кай? – заикаясь, выдавил из себя темноволосый, делая незаметную попытку чуть отодвинуться, хотя в принципе кровать этого не позволяла.

- Хм... - Чонин задумался, переворачиваясь на спину, - Это касается завтрашней беседы, но если без краткого экскурса в мою жизнь... Ты читал Снежную королеву?

- Д-да, - Кёнсу лежал на боку и удивленно хлопал глазами.

- У Кая замерзло сердце, - продолжил Чонин, глядя в потолок, - Я же заморозил собственные чувства. Мне пришлось выбирать между вещами, между которыми нормальные люди выбирать не должны.

- Ясно, - чувствуя тяжесть в сердце и вину, прошептал Кёнсу, - Прости.

Чонин ничего не ответил, а через пару минут Кёну уловил его размеренное дыхание и тихое сопение, свидетельствующее о том, что парень уже заснул.

Кёнсу же засыпал, рассматривая профиль Чонина и любясь его красивыми чертами лица: темными, немного длиннее чем нужно, волосами, аккуратным носом, пухлыми губами, густыми ресницами, четко очерченным подбородком, широкой, размеренно вздымающейся грудью.

«Красивый». Несомненно.

«Сильный». Точно не слабый.

«Талантливый». Безусловно.

«Холодный». Как это вышло?

Глава 3

Все было белым бело, вокруг Кёнсу не было ничего кроме снега. Снег лежал под ногами, да и в любом месте, которого касался взгляд. И с неба тоже падали снежинки. Крупные, красивые, математически правильные. Кёнсу зачарованно смотрел, как они медленно опускаются ему на ладони, свитер и джинсы, как они окутывают его, скрывая миллиметр за миллиметром, секунда за секундой скрывая под собой.

Поначалу Кёнсу это даже нравилось, снежинки сияли и переливались, словно на солнце. Но солнца не было, поэтому, думал он, они сверкали и поблескивали, отражая самих себя. Сияли изнутри. Их свечение было чем-то захватывающим, совершенно невероятным, потому что еще никогда парень не видел такого буйства красок и цветных отблесков. Каждый перелив был нового цвета и невероятной глубины, словно какое-то сокровище или чудо было сокрыто в них.

Однако когда великолепные снежинки облепили его до шеи, парень заволновался, чувствуя их ледяные и колкие прикосновения к оголенной коже. С каждой новой снежинкой, приставшей к нему и слившейся с остальными, Кёнсу нервничал сильнее, а они продолжали наступать и опускаться ему на щеки, на уши, на нос и на глаза. Ресницы залепило, рот заморозило, ноздри забило. Кёнсу, наконец, действительно испугался, ощущая только сейчас невероятный холод, морозящий внутренности, и недостаток дыхания, сжигавший легкие.

Кёнсу понял, как легко обманулся их мнимой красотой и чистой, сияющей белизной.

Кёнсу потерял всякую связь с окружающим миром снега.

Кёнсу чувствовал, как снежинки проникают в кожу, попадают в вены и несутся к сердцу, замораживая.

«Кай...»

Кёнсу стоило больших трудов проснуться. Его тело словно налилось свинцом, не способное даже двинуться на пустой кровати. С приоткрытого окна тянуло холодом, а большая часть тела парня находилась без одеяла, позволяя морозному, ледяному воздуху окутывать и замораживать.

- Что? – дверь в ванную отворилась, выпуская посвежевшего Чонина с влажными волосами, облепившими лицо, - Ты звал?

Кёнсу еле оторвался от кровати, стараясь подвинуться чуть выше и принять сидячее положение. Ощущение тяжести еще не успело полностью его покинуть.

- Нет, - чуть хриловато и весьма удивленно ответил парень, стараясь привести спутанные сном мысли в порядок.

- Да? – Чонин тоже удивился, но тут же пожал плечами, не придавая этому значения, - Значит показалось.
- Ты куда-то собираешься?
- Да, с утра мне нужно быть в театре у Криса, а затем с обеда до вечера на работе. Надеюсь, сегодня смогу закончить пораньше.
- Ты... - Кёнсу смутился, - Ты ведь не оставишь меня одного?
- После того, что приключилось вчера и в театре, и в баре... - Чонин серьезно задумался, беря с сушилки чашку, - Не уверен, что тебе следует всюду ходить со мной.
- Чонин, я правда не могу остаться один, - голос Кёнсу звучал тяжело.
- В чем твоя проблема, Кёнсу? – спокойно спросил Чонин, уже заваривая чайный пакетик, опуская его вниз и поднимая вверх.
- Я слишком долго был один, меня это пугает, - честный ответ привел парня в тупик, а рука с пакетиком замерла в воздухе, но глаз он не поднял. – Меня уволили с работы, а новую я не мог найти в течение 3 месяцев. Каждый новый «выходной» сводил с ума, да и деньги кончались. Я почему-то решил, что неизвестность лучше ожидаемого конца, хотя всю жизнь жил по правилам, контролировал любое событие.
- У тебя была хорошая работа? – Чонин оторвался от разглядывания чашки с чаем.
- Вполне, - согласился Кёнсу, складывая ноги и притягивая к себе подушку, которую тут же обнял, словно она была его поддержкой в таком нелегком разговоре. – Я работал в рекламном агентстве, небольшом, но успешном. Нам принадлежит реклама «Crunky Chocolate», - Кёнсу смущенно улыбнулся.
- Прости, не смотрю телевизор, - пожал плечами Чонин, ожидая дальнейшего рассказа.
- О, но это ведь не только по телевизору было, - Кёнсу озадачился, но быстро пришел в себя, - Хотя без разницы, меня все равно оттуда уволили. Я пробовал ходить на собеседования, но не получилось пробиться через стену предубеждений.
- Предубеждений? – Чонин поинтересовался, смущая Кёнсу еще больше, - Каких?
- Ну... - парень сглотнул, на нервах путаясь мыслями, - Окружающие... видят во мне милого лупоглазого ребенка, но не взрослого человека, который может и умеет делать свою работу. Меня просто не воспринимают всерьез.
- Прости, но... сколько тебе лет? – скептически приподняв бровь, спросил Чонин заранее ощущая, что сильно прокололся и сам.
- Только не говори, что и ты туда же, - Кёнсу засмеялся.

Первый раз Чонин видел, как этот странный парень улыбается: его красивые, пухлые губы растянулись и открыли ряд аккуратных белых зубов, а лицо стало практически неузнаваемым. Разница между серьезным, грустным и веселым, смеющимся Кёнсу была колоссальной. И эта разница ему понравилась. Еще больше захотелось помочь ему выбраться из той пучины отчаяния и проблем, в которой он оказался.

- Мне 25, - оставив на губах лишь тень прежней улыбки, ответил парень.

- О, - Чонин, только вырвавшийся из плена собственных мыслей, вновь озадачился, хотя в общем-то ожидал подвоха. – Мне 24.

- Значит, я твой хён, - без особой радости констатировал Кёнсу, понимая, почему танцор так удивился.

- Ты действительно вводишь людей в заблуждение, - полуулыбка появилась теперь и на губах Чонина.

- В других обстоятельствах это было бы даже смешно, - Кёнсу посильнее обнял подушку и устремил грустный взгляд на танцора. – Но мне слишком тяжело дается.

- Ну, люди часто видят в тебе не того, кем ты являешься, - Чонин говорил странным голосом, содержащим еще что-то помимо сочувствия к Кёнсу.

- А ты?

- Что я? – немного резко, словно защищаясь.

- Брось, Чонин, - Кёнсу нахмурился, тут же отбросил подушку и встал, подходя ближе к столу и замершему парню. – *Кай*, ты обещал рассказать.

- Я знаю, - Чонин выдохнул и уперся руками в столешницу. – Знаю, но обычно никому этого не говорю. Мне тяжело.

- И мне тяжело, - Кёнсу тоже потупил взгляд.

Парни молчали какое-то время, никто не решался заговорить. Чонин собирался с мыслями. Пусть он и сказал Кёнсу, что расскажет и о себе, воспоминания давались тяжело. Боль в сердце мешала формулировать мысль. Неудавшийся рекламист же думал над тем, имеет ли он право так неожиданно ворошить прошлое танцора, учитывая, что они друг другу ничего не должны. Да, Чонин выслушал Кёнсу и поддержал, если это так можно назвать, но он уже сказал, что понимает его тяжесть на сердце. Зачем тогда Кёнсу нужно лезть не в свое дело?

- Чонин... - Кёнсу заговорил тихо, нежно, *понимающе*.

- М? – отозвался танцор, поднимая голову, и тяжелым взглядом с отпечатком борьбы над самим собой уставился на рекламиста.

- Не нужно, - слабая улыбка озарила лицо парня.

Кёнсу надеялся, что Чонин поймет и успокоиться. Ему было тяжело видеть *такого* Чонина. Не сильного и холодного, а действительно страдающего, тем более если подобные чувства вызывали отголоски прошлого.

- Что? – парень нахмурился, глядя на чуть покрасневшего bruneta.

- Не рассказывай, - голос Кёнсу звучал твердо и серьезно, - Ты сказал, что понимаешь. И я тебе верю. На моем месте некрасиво вмешиваться в твою жизнь больше, чем есть сейчас. Я вижу, как тебя сложно. Твои воспоминания этого не стоят. Пожалуйста, не надо. Не мучай себя.

- Кёнсу... - смесь удивления и благодарности на лице Чонина.

- Что мы будем делать сегодня? – Кёнсу поспешил сменить тему на первую пришедшую в голову. – Театр, работа... или группа?

- Группа? – медленно повторил Чонин, словно находясь где-то далеко.

- Твоя группа, Чонин, - напомнил Кёнсу, сводя брови на переносице.

- Черт! – рекламист от такого громкого выкрика чуть со стула не свалился. – Точно! Получается, репетиция в театре завтра...

Парень хлопнул себя по лбу и тут же из расслабленного Чонина превратился в беспокойного и очень сильно опаздывающего.

- Назначили же на сегодня, - Чонин начал злиться сам на себя, но разглядев на лице Кёнсу испуг, тут же смягчился, - Спасибо, что напомнил. Я такой идиот. Бэкхён убьёт меня...

Чонин простонал, выискивая в небольшом шкафу чистую одежду.

- Мне собираться? – зачем-то спросил Кёнсу, осторожно двигаясь по направлению к ванной.

- Конечно! – из ворота какого-то полушерстяного пуловера, натягиваемого поверх футболки, донеслось до парня.

- Уже бегу, - ответил рекламист, внезапно сам себе улыбаясь и скрываясь за дверью.

Собирались они в спешке, а ехали вообще на запредельной скорости. Кёнсу крепко (и надо сказать в первый раз) ухватился за торс Чонина уже после первой минуты езды. Руки обвились парня за талию и сжали, вытесняя дыхание. Для него, видимо, такие передвижения были в норме, но Кёнсу раньше не доводилось даже садиться на

мотоцикл, не то что гонять на запредельной скорости. В итоге, Чонин очень попросил Кёнсу держать его послабее, когда они остановились на светофоре, на что парень засмутился, но хватку ослабил лишь после того, как заметил, что танцор перестал так гнать.

Бэхён уже стоял возле раскрашенных дверей в подвал, когда Чонин и Кёнсу прибыли. Чонин простонал уже во второй раз, но тише. Так, что только Кёнсу слышал его.

- Ты опять опоздал! – Бэхён был зол.

- Прости, Бэк, - Чонин сложил ладони и опустил голову вниз, поднимая их над головой в умоляющем, но недостаточно искреннем жесте.

- Ты как всегда, - холодно констатировал парень, зная, что Чонина уже не перевоспитать. Он воспринимал их репетиции весьма несерьезно, как казалось остальной части группы.

- Что поделаться, - пожал плечами басист.

- А он что здесь делает? – Бэхён вскинул бровь, глядя на подходящего к ним Кёнсу.

- Пришел со мной.

- Опять? – в голосе вокалиста было нескрываемое удивление.

- Бэхён, что ты прицепился? – Чонин нахмурился.

- Ты никогда не приводил никого больше, чем один раз.

- А в чем, собственно, проблема? – танцор сложил руки крестом на груди.

- Нет проблемы, - пожал плечами теперь уже Бэхён, с интересом рассматривая молчавшего доселе парня. – Как тебя, напомни, зовут?

- Кёнсу.

- Здравствуй, Кёнсу, - блондин широко улыбнулся, - Меня зовут Бэхён. Прости за мое поведение, этот придурок вечно выводит меня из себя.

- Э, ничего... - Кёнсу удивленно замялся, но Чонин уже ушел вперед, в зал.

- Ты пел прошлый раз. Весьма неплохо, - Бэхён положил руку на плечо парню, направляя его к двери. – Хочешь и сегодня попробовать? Только уже по-нормальному. Мы все с удовольствием послушаем.

Кёнсу был поражен. Такой поворот в отношении Бэхёна к нему пугал, но было приятно, что вокалист, имеющий один из прекраснейших голосов, что слышал когда-либо Кёнсу, запомнил и так высоко оценил его средненькие умения, оставшиеся со времен всего лишь

годового посещения музыкальной школы много лет назад.

- А ты уверен? – все еще немного стесняясь, уточнил парень.

- Конечно, ты и Чондэ понравился, - кивнул Бэхён, открывая перед Кёнсу дверь. – И Чанёлю.

- О, это неожиданно.

- Угумс, - как-то не очень довольный произнес вокалист, разворачиваясь к парню. – Как тебе это сказать... Чанёль мой, – глаза Кёнсу расширились от удивления, - Поэтому будь любезен помнить об этом.

- Ты... - не нашелся, что сказать Кёнсу. – Конечно. Но, прости, зачем ты мне это говоришь?

- Просто, чтобы знал, - и вновь дружелюбная улыбка. Искренняя, что важно. Кёнсу был ошеломлен.

«Что за?..» - думал он.

Какие странные у Чонина друзья.

Кёнсу быстро понял, что ревнивый Бэхён просто очень серьезно относился к барабанщику Чанёлю, который еще в прошлый раз проявил дружелюбность по отношению к совсем не знакомому парню, учитывая, что все думали о Кёнсу в странном ракурсе, виной которому был Чонин. Бэхён больше не проявлял враждебности, смеялся с Чондэ и Чанёлем, прикалываясь вместе с ними. Кёнсу же думал, что Чонин не вписывается в это место.

Чонин был слишком спокойным, слишком серьезным, слишком холодным для горячих в поведении одноклассников, которые, даже играя, умудрялись издеваться и подкалывать друг друга. В такие моменты басист спокойно ожидал окончания шутки или (что чаще) потока шуток, чтобы вновь продолжить играть со всеми. Иногда перебирал пальцами струны, чтобы закончить побыстрее балаган, что творился, когда Бэхён и Чондэ внезапно устраивали баттл высоких и низких нот.

Кёнсу же наблюдал. Видел, что практически никто не обращает особого внимания на отсутствие Чонина в играх и шутках. Чанёль радостно улыбался, иногда бросая взгляд в сторону басиста, но особенно не заикался на его хмуром или безразличном лице. Кёнсу силился понять, но не мог. То ли это было его нормальное поведение и комфортная ситуация, то ли Чонину было неудобно среди этих ярких «троллей», как Кёнсу для себя решил. Ни минуты без стеба. Ни минуты без улыбки.

Они пели грустные и серьезные песни, такие, как в первый раз, когда Кёнсу присутствовал на репетиции. Каждый вокалист и участник отдавал себя на все сто, и

сложно было сказать, что минуту назад или после окончания песни эти парни могли вести себя иначе.

Закончив основную часть репетиции, Бэхён и Чондэ позвали Кёнсу к микрофону.

- Какую песню ты хочешь спеть? – участливо поинтересовался Чондэ, пока Бэхён перебирал их ноты, ища взглядом что-нибудь интересное на случай, если рекламист не знает точно.

Кёнсу краем глаза уловил брошенный на него взгляд Чонина, в котором были несколько искорок интереса.

- Если можно, Linkin Park – Not Alone, - смущаясь, попросил Кёнсу.

- О, хороший выбор, - Бэхён поджал губы и покачал головой. – Чанэль, ты же знаешь ее?

- Обижаешь, - парень криво ухмыльнулся и подмигнул вокалисту.

- Тебя обидишь, - парировал он, переводя взгляд на Чонина. – А ты сможешь сыграть?

- Да, - тихо ответил басист.

- Я буду на синтезаторе, - сообщил Бэхён, подходя к инструменту.

Кёнсу встал к микрофону и закрыл глаза, ожидая мелодию, пропуская ее через себя, как он любил это делать. Услышав первые аккорды, Кёнсу вдохнул и выдохнул, набираясь смелости, чтобы закончить начатое. Ему нужно было расслабиться, а музыка лучше всего для этого подходила.

Чонин играл так, словно не первый раз исполнял эту песню. Словно пальцы не просто знали игру, а сами двигались, отдельно от басиста.

Песня лилась мягко и нежно, но в то же время сильно и со смыслом. Кёнсу некогда ненавидел эту песню, сейчас же она казалась путеводной звездой в море бесконтрольного существования. Глядя сквозь прикрытые глаза на вслушивающихся в мелодию и ноты, а так же в его пение парней, Кёнсу надеялся, что когда-нибудь, подобно Чонину, будет окружен только теми людьми, с которыми ему будет хорошо, а так же будет заниматься тем, что ему действительно интересно. Он любил рекламу, он был уверен. И он хотел продолжать, но сил на это не имелось, и пока взять было неоткуда.

you
go / giving up your home
go / leaving all you've known
You are not alone

You are not alone
You are not unknown
You are not alone

Парень чувственно допел последние строчки, вкладывая себя в их значение. С последним аккордом, барабанным ударом и зажатой клавишей синтезатора в Кёнсу что-то сломалось. Стало невыносимо тяжело и грустно. Он словно осознал, насколько одиноко и бессмысленно его существование. Словно понял, что желая для себя идеальной жизни, а потому контролируя все ее аспекты, разрушил все сам.

Одобрительные взгляды и аплодисменты Чанёля и Чондэ добавили масла в огонь. Кёнсу сорвался с места и выбежал на улицу, прижимаясь спиной к разрисованной стене и пытаясь отдышаться. У него не было истерики, как вчера, но депрессивное осознание собственной ущербности в попытках догнать неведомое спокойствие и оправдать ожидания разрушало его изнутри.

Слез не было, только ненависть к самому себе.

Жизнь Чонина казалась теперь такой идеальной, практически мечтой. И что же мог такой со всех сторон окруженный идеалом человек бояться рассказать, когда Кёнсу, полнейший неудачник, выложил как на ладони все свои проблемы? Что мешало Чонину пошевелить рекламиста в подробности своей жизни, учитывая, что, пусть они и не были друг другу кем-то, они точно не были никем.

И его странная реакция на песню. Его тихий голос, его такое беспокойное отношение, столь разительно отличающееся от их первой встречи. Тогда Кёнсу даже побаивался Чонина, сейчас же откровенно не понимал. Что с ним?

- Кёнсу, - мягкий голос вырвал парня из размышлений, представляя их виновника.

- Что? – чуть более резко, чем нужно, ответил темноволосый рекламист.

- Что-то случилось? – Чонин облокотился на стену возле Кёнсу, медленно спускаясь по ней и в итоге оказываясь в непосредственной близости.

- С чего ты взял? Все нормально.

- Ты убежал, - с нажимом в голосе проговорил парень.

- Вышел подышать воздухом, - пожал плечами Кёнсу, чувствуя легкое раздражение.

- Кёнсу, истерики и злость тебе не помогут сейчас, - Чонин опустил голову и вздохнул. – Единственное, что ты можешь сделать, чтобы взять ситуацию под контроль...

- Но я не хочу ее контролировать! – Кёнсу взорвался, резко поднимаясь и всплескивая руками. – В моей жизни был один сплошной контроль и планирование. Я больше не хочу так жить!

- А как хочешь? – ровным голосом спросил Чонин, поднимаясь вслед за Кёнсу, но все еще приваливаясь к стене.

- Не знаю... - буркнул парень, - Как ты, например.

- Ты думаешь, моя жизнь настолько хороша? – Чонин удивленно приподнял бровь, но в голосе чувствовалась так же и горечь.

- А нет, что ли? – переспросил Кёнсу, - У тебя есть группа и друзья. У тебя есть работа и друзья. У тебя есть танцы, театр и друзья. Куда бы ты ни водил меня эти дни, везде есть что-то правда интересное и друзья. Пусть ты сам держишься с ними отчужденно и холодно, они все равно твои друзья.

- То есть хорошую жизнь ты определяешь количеством друзей? – музыкант теперь смотрел чуть насмешливо. – Все ее аспекты и проявления?

- Нет, - Кёнсу помотал головой. – Но мне правда нравится, как ты живешь.

- Мне тоже, - отозвался Чонин, - Но я тебя уверяю, можно жить лучше. Ты никогда не пробовал, поэтому не знаешь.

- А ты пробовал? – не успев прикрыть интерес в голосе, вырвалось у Кёнсу.

- Когда-то давно, лет 7-8 назад, да, - гитарист поджал губы, - У меня была совершенно другая жизнь. Я сказал, что нынешняя мне нравится, потому что ее я выбрал сам. Та же была много лучше по тем аспектам, которые ты не перечислил, но мне она была навязана. Я был обязан жить так, а не иначе. И в моей бунтарской молодости я пошел против «должен» и выбрал «хочу».

- Твои родители заставляли тебя?..

- И да, и нет, - Чонин как-то невесело улыбнулся, - Там много чего случилось.

Чонин замолчал, Кёнсу боялся спрашивать. Он обещал больше не лезть в прошлое музыканта, но проблема состояла в том, что очень хотелось. Хотелось узнать, хотелось понять, хотелось до конца войти в жизнь Чонина и, возможно, остаться там. Не для того, чтобы мешать, но хотя бы стать одним из его друзей. Из тех, кто каждый день находился возле него, ловил улыбки, взгляды или просто разговаривал по делу.

По окончании репетиции Чонин быстро собрался, махнул на прощание Чондэ, Чанёлю и Бэксёну, которые, к слову, абсолютно не были удивлены такой спешкой, схватил Кёнсу за локоть и стремительно покинул помещение. Нервно поглядывая на часы, парень завел мотоцикл и резко тронулся с места, заставляя Кёнсу от страха обхватить его за талию и прижаться к спине.

Ехали они не долго, но только потому, что быстро. Да и для Чонина, как известно, правила дорожного движения не существовали. Проехать на красный, свернуть на запрещенном повороте, зависеть скорость до предела – нормальное явление, но не для

Кёнсу, который с грустью вспоминал свой небольшой автомобиль марки Suzuki. Скоростная езда явно не для него.

Рекламист наивно предполагал, что смен видов деятельности у суперзанятого танцора больше не будет, но ошибся.

Мотоцикл так же резко, как и стартанул, остановился возле одной из известных, но не очень крупных Сеульских типографий, которую Кёнсу знал не понаслышке. Все-таки он работал в отделе планирования, а его агентство имело связи почти со всеми типографиями, печатающими рекламу в газетах и журналах.

- И... - Кёнсу не знал с чего начать, - Что мы тут делаем?

- Я здесь работаю, - быстро вытаскивая ключи и ставя байк на подножку, ответил Чонин.

- Тут?.. В смысле, еще и тут? – удивлению парня не было предела.

Ему казалось, что с брюнета достаточно уже имевшихся занятий, хотя и представить, чем он тут занимался, тоже было сложно.

- Мне в баре не дают 7 смен, поэтому я дорабатываю две тут, - пояснил танцор, убирая шлем под сиденье. – Пошли скорее, я итак уже опоздал.

- А это ничего? – засомневался Кёнсу.

- Это твой звездный час, Кёнсу, - хитрая улыбка на лице Чонина смутила рекламиста еще сильнее.

- В каком это смысле?

- Чем быстрее управимся, тем быстрее отправимся домой, - и Чонин подмигнул ему, забегая по невысокой лестнице вверх.

- Мне надо будет что-то делать? – удивился Кёнсу, следуя за мотоциклистом.

- Ничего сложного, - пожал плечами Чонин, тяня дверь на себя.

Оглядывая огромные перевязанные кипы газет и журналов, завалившие все столы и пол, Кёнсу старался не задохнуться, но ему это удавалось с трудом. Казалось, в этой типографии решили побить все рекорды и за раз отпечатать недельную норму тиражей всех возможных газет, журналов и рекламных листовок. Завалена была каждая горизонтальная поверхность, кое-где горы связок опасно накренились, рискуя вот-вот обрушиться. Кёнсу доселе никогда не видел подобного безобразия, приходя порой по делам, но натыкаясь на аккуратно разложенные стопки или вообще на пустоту. Хватая ртом воздух, словно рыба, вытщенная из воды, парень перевел взгляд на необычайно веселого Чонина. Ему самому смешно не было вообще.

- Все это?!

- Да, - с немеркнувшей широкой улыбкой, почти смешком, ответил темноволосый танцор, тут же подхватывая по связке в каждую руку. – После закрытия вечерняя смена оставляет работу для грузчиков.

- И ты делаешь это каждый раз? – пораженно уточнил Кёнсу, на автомате последовав примеру Чонина, но все еще не до конца понимая ситуации.

- Ну, почти, - он на секунду задумался, - Иногда меньше. Больше вроде еще не было, - Чонин внезапно заливисто рассмеялся.

Кёнсу поверить не мог, что Чонин может быть таким веселым.

- Ты находишь это смешным? – ошетинился рекламист, резко останавливаясь на пути к грузовикам.

- И да, и нет, - опять неоднозначный ответ.

- Смеешься надо мной или это нервное? – прищурившись глядя на Чонина, спросил парень.

- И то, и другое, - вновь смех, да такой, что Чонин согнулся пополам.

- Чонин! – Кёнсу повысил голос, но и ответной улыбки сдержать не смог.

Чонин выглядел действительно впечатляюще всегда, но улыбка добавляла его лицу новые краски. Словно его напускная холодность испарялась ненадолго, давая место тем самым запрятанным в глубине сердца и сознания чувствам. Он сразу выглядел еще моложе, ярче и милее.

- Прости, - вдоволь насмеявшись, Чонин поднялся на ноги, - Я просто действительно не знаю, что бы делал без тебя сегодня. Тебе придется мне помочь.

- Конечно, - тут же согласился Кёнсу, внутренне радуясь, что, наконец, сможет быть полезным, - Я только за, правда побаиваюсь количества.

- Ну и отлично, - благодарно улыбнулся Чонин, - Каждая связка имеет номер, соответствующий номеру выезда грузовика, их всего пять. Это не сложно, ты разберешься.

И парни принялись за работу. Таскать такие тяжести, настолько однообразно и абсолютно бездумно, для Кёнсу было ново, но видя, как старательно и воодушевленно Чонин справляется с такой по-глупому сложной работой, ему тоже хотелось не отставать и сделать все максимально хорошо. Это его первый физический труд за долгое время, потому что профессия рекламиста не предполагала под собой каких-либо нагрузок такого рода.

Спустя пару часов Кёнсу уже чувствовал ломоту в спине и онемение в руках. Его не привыкшее к труду тело ныло и просило отдыха, но парень старательно скрывал любое проявление слабости ровно до тех пор, пока не запнулся на ровном месте и не повалился на пол вместе с кипами утреннего выпуска какого-то ежедневника. С тихим «ой» Кёнсу сел на пятую точку, но встать даже не попытался – так болели руки и плечи. Парень лишь облокотился на одну из стоек, прикрывая глаза.

- Эй, чего расселся? - немного устало, но с весельем в голосе, спросил Чонин, подходя ближе и усаживаясь рядом и вкладывая в скрюченные пальцы Кёнсу бутылку с водой.

- Это ужасно, Чонин, - испуская вздох отчаяния, ответил Кёнсу, не торопясь откручивать крышку – сил просто-напросто не было.

- Знаю, - просто согласился танцор, - Но выбора у меня все равно нет. Мне нужно платить за квартиру, что-то есть, да и театр отнимает некоторые деньги...

- Тебе там не платят? – Кёнсу резко открыл глаз и поднял голову, но спустя мгновение тяжело простонал, чувствуя, как боль отдается в шее и позвоночнике.

- С театром все очень сложно, - ушел от ответа Чонин, допивая разом остатки в своей бутылке и поднимаясь.

Кёнсу в этот момент задумался о театре, на автомате решив все-таки открыть свою бутылку, правда пальцы его не слушались, поэтому спустя несколько мгновений парень, все еще находившийся в собственных мыслях, почувствовал, как из его рук осторожно выскальзывает предмет, а затем возвращается на место, но уже без крышки.

Сознание Кёнсу витало где-то между Крисом, Исиным и Чонином, пытаясь понять, но не приходя к разумному объяснению.

- Что не так с театром? – парень бросил на Чонина обеспокоенный взгляд.

- Не забивай себе голову, - отмахнулся танцор, подхватывая в обе руки по связке. – Можешь отдохнуть немного, я вижу, что ты устал. Мы все равно почти закончили.

- Нет, - Кёнсу немного оскорбился, считая, что итак достаточно висел на шее Чонина, - Чем быстрее мы закончим, тем быстрее пойдём домой. Тебе тоже нужен отдых. Я, в отличие от тебя, целыми днями только штаны протираю на горизонтальных поверхностях.

- О, какая забота, - протянул Чонин, усмехнувшись, - И какая глупость.

- Почему? – Кёнсу нахмурился, поднимаясь с пола.

- Я привык к такому ритму, а ты – нет, - парень пожал плечами, а затем чуть подкинул кипу вверх, удобнее перехватывая за веревку, тем самым напрягая руку. – Нет смысла храбриться и перенапрягаться.

Красивый изгиб мышцы в черной футболке с коротким рукавом притянул взгляд рекламиста. Кёнсу почему-то занервничал и закопошился, тут же находя руками свои связки и стремительно удаляясь к выезду номер три. В Чонине все было хорошо, и это все смущало Кёнсу.

Добравшись до дома, Чонин подхватил спящего Кёнсу на руки и с удивлением обнаружил, как мало тот весил. Конечно, парень с его ростом и комплекцией не мог быть очень тяжелым, но и такая нездоровая легкость тоже была странной. Поразмыслив, Чонин решил, что парень похудел на нервной почве, ибо его затяжная депрессия вполне могла к этому привести.

Чонин настоял, чтобы еле плетущий ноги Кёнсу сел на мотоцикле не позади, а вперед, аргументируя тем, что не хочет падения парня во время езды. Рекламист переоценил свои силы, но Чонин понимал, что ему тоже тяжело дается жизнь нахлебника, и был с ним согласен. В течение первых пяти минут Кёнсу силился не заснуть, но затем неосторожно откинулся на плечо танцора, открывая взору водителя небольшое ушко, белую кожу на шее и аккуратный кадык, чуть подрагивающий при рваном усталом дыхании. Парень безмятежно провалился в сон, чувствуя тепло Чонина, а он, в свою очередь, боролся с желанием прильнуть губами к молочной коже.

Когда Бэхён говорил о вечно меняющихся «друзьях» Чонина, то имел в виду его бесконечных половых партнеров, которыми танцор разбавлял свою слишком занятую жизнь. И знали об этом все именно потому, что ввиду этой занятости, Чонин не всегда мог привести их к себе в квартиру. Танцор занимался сексом и в гримерке театра, и в студии группы, и в туалете паба, в котором работал. Он даже в типографию приводил нескольких любовников, раскладывая тех прямо на рабочих столах или в подсобке. В принципе, часто новые увлечения сами его находили, но итог оставался всегда одним и тем же. Это не происходило слишком часто, но и редкостью назвать подобное было сложно.

Чонин откровенно заблуждался, считая, что Кёнсу еще ребенок, определяя его по возрасту как едва совершеннолетнего. Он совершенно не ожидал, что парень будет старше него, поэтому до сегодняшнего дня гнал все неподобающие мысли в его отношении. У Чонина строгие принципы. Жизнь его научила, что люди без принципов чаще выигрывают, но только с принципами можно называть себя человеком. Чонин считал важным второе.

Занеся в квартиру и уложив на кровать мирно сопящего парня, Чонин задержался возле, вглядываясь в лицо Кёнсу. Красивый, даже сексуальный, но погрязший в проблемах. Выслушав утром его историю, танцор внутренне удивился, насколько они похожи на самом деле. Только Чонин сбежал от семейного благосостояния и навязанной женитьбы. Он выбрал между семьей и самим собой. Теперь семьи у него нет.

Кёнсу облизал во сне губы, повернувшись на спину, а Чонин едва не задохнулся от понимания, что уже целую неделю его не посещают мысли о том, как побыстрее затащить кого-нибудь в постель. Причем они с этим парнем спят на одной узкой кровати

все эти три долбанных дня, что знакомы, но танцор до сих пор чувствовал себя до странного спокойно.

Не в силах сдержать сиюминутный порыв, Чонин осторожно нагнулся, пробуя на вкус пухлые губы Кёнсу, а затем быстро отстранился, с близкого расстояния разглядывая небольшие темные круги под глазами и густые ресницы. Челка парня падала на лоб аккуратными прядями, но Чонин все равно провел по ней рукой, дабы она – не дай Бог – не помешала сну Кёнсу.

Чонину понравилось до дрожи, как, в принципе, и в тот раз в клубе, но поступить с Кёнсу как с остальными, он не мог. Ворвавшийся в его жизнь парень занял какое-то особенное место, даже сам того не подозревая. Так быстро и сумбурно, абсолютно неконтролируемо даже для Чонина. И в то же время предложить что-то большее в текущих обстоятельствах нереально, поэтому единственный вариант - оставить все как есть.

Глава 4

Чонин не сомневался, что проснется первым, но спящий Кёнсу, закинувший на него и руку, и ногу несколько удивил его. Попытка двинуться, но не разбудить хрупкого парня провалилась. Кёнсу резко открыл глаза, глядя прямо на озадаченное лицо танцора. Ещё несколько мучительных мгновений осознания, и он не менее резко отскочил от Чонина, падая на пол с узкой кровати.

- Черт, - протянул Кёнсу, лёжа на полу, пока Чонин пытался прийти в себя и осмыслить причины такого поведения его невольного соседа, да и собственные ощущения.

- Не ушибся? – наконец выдохнув, спросил танцор.

- А ты как думаешь? – огрызнулся рекламщик, поднимаясь и потирая место ушиба.

Чонин ничего не ответил, лишь мысленно удивляясь резкому повороту в поведении парня. Он только скинул с себя одеяло, поправил сползшие мягкие спортивные штаны, в которых всегда спал, и, пожав плечами, удалился в ванную комнату.

Кёнсу хотел провалиться сквозь землю. Он мечтал об этом так рьяно, что не удержался и закатил глаза, издавая странный стонообразный звук, пугающий своим отчаянием. Надо же было так себя не контролировать, чтобы буквально сложить всего себя на спящего Чонина. Ему он, конечно, нравился, но чтобы прямо так откровенно...

Дабы не думать о неправильных вещах, Кёнсу решил прибраться кровать, дожидаясь своей очереди в ванную. Как раз в тот момент, когда он укладывал подушки, дверь санузла отворилась, открывая его взору Чонина с влажными волосами. Кёнсу так и замер с подушкой в одной руке и ладонью другой, занесенной над ней.

- Чего рот открыл? – с ухмылкой на лице спросил танцор.

Кёнсу, не найдясь, что ответить, принялся усердно поправлять итак уже убранную кровать. Уши парня горели, на щеках был легкий румянец. Танцора же откровенно забавляли его невинные реакции на обычные вещи.

- Сегодня весь день репетиция в театре, - ровным тоном оповестил Чонин спустя несколько минут обоюдного молчания.

- Ты не работаешь вечером? – удивился Кёнсу, тут же забывая о недавней стыдливости и поворачиваясь.

- Нет, - Чонин покачал головой, ставя на плиту сковороду, - Скоро премьеры.

- А, - Кёнсу только кивнул, задумавшись.

- Ты придешь на премьеру? – зачем-то спросил смуглый танцор.

- А мне можно?

- Ну, никто вроде как и не запрещал.

- Тогда конечно, - Кёнсу бросил, наконец, свое глупое занятие и подошел к столу, присаживаясь на один из высоких стульев.

Чонин жарил яичницу и делал тосты молча, а Кёнсу наблюдал за ним, изредка предлагая помощь, но всегда натываясь на молчаливое «нет». Спустя какое-то время парню надоело смотреть и он без энтузиазма поплелся в ванную умыться, в это время обдумывая типичные вещи: как и на что жить, как отплатить Чонину за помощь, что делать дальше. И ни разу в его голове не возникало адекватных идей, все какие-то бредни и беспомощные глупости.

Закончив с чисткой зубов и приведением себя в порядок, Кёнсу вернулся на кухню, где уже остывал готовый завтрак, а Чонин опять куда-то исчез. Что удивительно, в такой маленькой квартире. Прикончив свою порцию, парень, так и не дождавись танцора, пустился на его поиски. Бегло осмотрев общее помещение и подумав, что тот никак не мог просочиться в ванную (которая, к слову, и туалет) мимо него, Кёнсу направился к единственной двери, находившейся неподалеку от санузла. Как он думал, там находилась кладовка или вроде того, но к реальности не был готов совершенно.

У Чонина была собственная мастерская по пошиву одежды. И не просто шмотья, а театральных костюмов. В помещении примерно 5 квадратных метров без окон действительно предполагалось что-то вроде чулана. Но у танцора на него были другие планы, выразившиеся в небольшом, не очень узком и не очень широком столе со швейной машинкой, пригодном так же, если ее убрать, и для выкройки. И в двух рядах вешалок под потолком забитых образцами тканей, полуготовыми изделиями и какими-то странными вещами, о которых Кёнсу не имел понятия. Еще в углу сиротливо пристроился манекен-трансформер для женского и мужского костюма.

Оглядев все это безобразие, шокированный рекламист, в который раз почувствовавший себя совершенной бездарностью, взглядом зацепил движение Чонина в гуще нижнего ряда костюмов. Танцор с довольным видом вынырнул из-под них наружу, разглядывая чехлы с надписями и вешая ненужный обратно, а затем обернулся и, наконец, заметил притихшего и очевидно очень удивленного Кёнсу. Чонин не стал ругать его за любопытство или выгонять, только подмигнул, широко улыбаясь.

- Есть на свете вещи, которые ты делать не умеешь? – почти благоговейно.

- Ну, я не очень хорош в настольных играх, - с явным бахвальством и насмешкой задумался танцор.

- Это для театра? – уже серьезно заинтересовался Кёнсу, отходя от первоначального шока.

- Да, - кивнул Чонин, поправляя почти упавшие верхние вешалки с тканями. – Мы все делаем сами, чтобы выступления были оригинальными. Хотя частично и из-за недостатка персонала.

- Вообще все? – Кёнсу сделал пару шагов внутрь, вставая рядом со столом и заглядывая в оставленную на нем выкройку.

- Угу, - подтвердил брюнет, доставая из ящика какой-то журнал и что-то в нем проверяя.

Кёнсу был абсолютно заморожен и удивлен, в его голове проносились воспоминания о театре, его актерах и той репетиции, на которой он присутствовал. Он вспомнил сочетания света и музыки.

- Подожди... - парень нахмурился, глядя, как Чонин уже направляется к выходу из мастерской. – Вы и музыку сами пишете?

- Да, - теперь Чонин выглядел несколько озадаченным, - Этим занимается Исин. А что?

- О, - глаза Кёнсу приобрели размер, близкий к блюдцам от китайского сервиза. – Я думал, что вы просто обрабатываете классиков или вроде того.

Чонин усмехнулся, приподнимая один уголок губ, но почти сразу посерьезнел.

- Ты собрался? Нам уже пора идти.

- А?.. – не понял сначала рекламщик, но тут же пришел в себя, - Да... Да.

Танцор ничего не ответил, лишь вышел из комнатки, оставляя Кёнсу одного с мыслями о действительной исключительности театра, в частности его трудяг танцоров и режиссера. А еще с волнением насчет некоторых явных трудностей, которые переживает это замечательное место. Пока еще картинка не совсем сложилась в его голове, но он уже понимал, что не все так радужно, как хотелось бы.

Добрались Чонин и Кёнсу достаточно быстро, но для последнего не очень удобно, потому что именно он держал в руках три вешалки в чехлах, которые к тому же было запрещено мять. Затекие руки после поездок на мотоцикле Чонина становились привычным последствием, которое парень уже старался не замечать.

Крис, едва завидев Кёнсу, спал с лица и вместо простого добродушного, пусть и сосредоточенного выражения лица, имевшего место мгновение назад, нацепил маску равнодушия и совсем чуть-чуть агрессии, но не явной. Хотя это тоже не стало для парня облегчением. Остальные присутствующие в лице Исина (на котором, Кёнсу, к слову, задержал взгляд дольше положенного ввиду недавней информации), Тао и партнерши Чонина по имени (как выяснилось) Минё, поприветствовали Кёнсу доброжелательно.

Около часа все ожидали оставшуюся часть труппы, попутно обсуждая какие-то детали сценария, танца, моменты освещения, а так же рассматривали легкие костюмы, сшитые Чонином. Танцоры, включая их вечно ругающегося режиссера, остались довольны творениями парня. Кёнсу же был просто в шоке. Он словно находился в нем перманентно,

с тех пор как начал узнавать Чонина лучше. Его талантливость в любой сфере, которой он касался, а так же умение работать и получать от этого удовольствие действительно поражали. Кёнсу все четче осознавал, как тяжело ему будет оставить этого парня, когда придет время.

А время же придет. Кёнсу научится от него всему: силе воли, стремлению к цели, усидчивости, жизнерадостности, четкого видения собственных желаний, работоспособности, достоинству, умению выбирать, ответственности за свои поступки и решения. И уйдет, потому что у него своя жизнь, которую нужно строить заново. А у Чонина своя, которая практически идеальна. Практически, потому что парень только на пути к совершенству, когда как Кёнсу вообще в самом низу, откуда путь даже до уровня Чонина невероятно долг и тернист.

Кёнсу нравился Чонин. Во всех смыслах. Даже в романтическом, пусть это и не входило в его изначальные планы по общению. Успокаивало, что Чонин не выказывал никаких попыток перейти на близкий контакт (после памятного поцелуя в пабе, определить ориентацию танцора стало не сложно), а держать себя в руках Кёнсу сможет. Всегда умел.

- Ты чего завис? – доброжелательным тоном поинтересовался Исин у Кёнсу, а второй внезапно осознал, как долго его взгляд был направлен в сторону Чонина.

- Да так, - пожал плечами брюнет, смущаясь и чуть-чуть краснея.

- Странно видеть тебя уже второй раз, - спокойно, без какой-либо насмешки или скрытого издевательства. – Чонин обычно не приводит знакомых чаще одного раза.

Кёнсу не нашелся с ответом, но глаза на Исина поднял и задал мучивший его вопрос.

- Чонин сказал, что ты пишешь музыку для театра. Это правда?

- Да, пишу, - Исин тепло улыбнулся, - А что?

- Она невероятная, - блеск в глазах рекламщика мог бы ослепить. – Я никогда бы не подумал, что такое мог написать кто-то, не родившийся во времена Моцарта, Баха или Вивальди.

- Я рад, что тебе понравилось, но подобные сравнения – это слишком, - искренние улыбка и смех Исина привлекла внимание стоящего неподалеку Криса.

- Что тут происходит? – занимая место возле композитора, требовательно поинтересовался режиссер.

- Кёнсу очень понравилась моя музыка, - мягко ответил Исин, а рекламщик удивился, что тот запомнил его имя.

- Не удивительно, - чуть более тепло, но все еще строго отреагировал Крис. – Однако не забывай наш разговор.

Кёнсу моментально вспыхнул, чувствуя, что еще чуть-чуть и сдержаться и не высказать все самые интересные мысли по поводу такого обращения с незнакомым человеком, будет сложно. Однако Чонин подоспел как нельзя вовремя.

- Крис, может, успокоишься уже? – даже не участвуя в беседе, парень представлял, о чем она.

- Мне не понятно, почему ты таскаешь его за собой, если вы не встречаетесь, - высказался блондин. – Ты же помнишь, что случилось прошлый раз. Никто не виноват, это была подстава, но с тех пор существует правило...

- «Никаких чужаков», - послушно проговорил танцор, но затем добавил с уверенностью, - Кёнсу не доставит проблем, просто успокойся.

- Кем ты работаешь? – резко прозвучавший вопрос, заставил Кёнсу вздрогнуть.

- Сейчас никем.

- Сейчас? – Крис изогнул бровь в недоумении.

- Меня уволили из рекламного агентства, в котором я проработал в течение года.

- Ты уверен, что тебе не заплатили застройщики?.. – внимательно разглядывая парня, блондин прищурил глаза.

Исин чуть позади приложил руку к лицу.

- Что? – лицо Кёнсу вытянулось от удивления, парень перевел взгляд на Чонина, который только закатил глаза.

- Крис, успокойся, правда, - устало протянул танцор, подходя к режиссеру и кладя руку ему на плечи. – Ты же видишь, он вообще ничего не понимает. Мы встретились на улице случайно. Я практически ему жизнь спас. Эти идиоты бы не стали так рисковать, чтобы получить это место, да и я мог бы легко пройти мимо, так что Кёнсу точно ни при чем. Оставь его.

- Хм, - Крис задумчиво оглядел Кёнсу еще раз. – Точно?

Парень только отчаянно закивал головой, подтверждая сказанное Чонином и выражая крайнюю степень правдивости.

- Ну ладно, - улыбнулся блондин, протягивая руку для рукопожатия, - Тогда еще раз. Привет, меня зовут Крис Ву, и я владелец, режиссер и хореограф данного театра современного танца. Добро пожаловать.

- До Кёнсу, - ответно представился рекламист, медленно касаясь большой ладони. – Приятно познакомиться.

Крис зачем-то подмигнул ему, а затем ушел в направлении гримерок, оставляя Кёнсу, Чонина и Исина. Последний почти сразу последовал за режиссером, добродушно улыбаясь парням. Чонин тоже попытался ретироваться по делам, но был резко остановлен брюнетом, схватившим его за локоть и притянувшим рывком ближе к себе.

- Ты обязан рассказать мне, что тут творится, - прошипел Кёнсу, поднимая горящие глаза на Чонина.

- Эм... обязан? – скептически приподняв бровь, переспросил танцор.

- Я так понял, у вас проблемы, - сузив глаза, констатировал парень.

- Ну, есть такое, но это не совсем твое дело. Точнее, совсем не твое.

- Мое, потому что мне едва ли не угрожают. К тому же, вдруг я смогу помочь? – Кёнсу крепче сжал руку темноволосого танцора, у которого даже сердце забило быстрее от такого напора.

- Ты? – опять скептический взгляд.

- Я, - твердо и безапелляционно.

Чонин какое-то время смотрел на парня, обдумывая его слова. Взгляд танцора скользил по невысокому рекламисту, начиная с головы и до самых ног, а затем вернулся к его лицу и глазам, которые горели ярко и честно, уверенно если не в своих силах, то уж точно в желании. Танцор не был уверен в способностях Кёнсу, который был ему практически незнаком, однако что-то заставляло если не верить ему, то доверять точно. И Чонин только кивнул, мягко освобождая локоть от теплой, но крепкой ладони парня, а затем ушел к прибывшей труппе репетировать, думая на самом деле о том, что если так дальше и пойдет, им будет очень тяжело разойтись. Чонину, во всяком случае точно.

Как Кай объяснил Кёнсу, то была финальная репетиция. Крис оказался очень суеверным (да и на то были причины), поэтому последний прогон проводил за неделю до премьеры. А контрольный прогон в день премьеры. И контрольный прогон всегда так, словно это они сейчас ту самую премьеру и показывают. Так что до последнего дня никто не сможет даже примерно предположить, каким будет спектакль.

Сейчас молодому рекламисту удалось только по-отдельности ощутить завораживающую музыку, впечатляющее освещение и великолепные костюмы, ну и полюбоваться на отдельные части танцев, которые Крису казались не полными или не качественными. Еще ни разу труппа не прогоняла все сцены целиком или «почти полностью», поэтому даже додумать картину будущего спектакля было просто невозможно. Блондин отлично конспирировался, но как чувствовал Кёнсу – в той самой мере, которая не мешает им произвести фееричную премьеру.

Премьера, премьера, премьера. Все вокруг шелестело этим словом. И новые декорации, созданные в тандеме Чонин-Крис-Тао (как оказалось, у парня был отменный вкус и отличные идеи). И финальные указания, раздаваемые Крисом таким нескрываемо-волнующимся голосом, что даже сердце Кёнсу забило быстрее от предвкушения.

Ввиду ограниченности бюджета, было решено направить последние деньги на печать билетов и рекламных листовок (пусть и в небольшом количестве), да на размещение информации в интернете, а вот уборку помещения сделать своими руками. День чистоты был назначен на среду, за почти два дня до премьеры в пятницу вечером.

Рекламные листовки, составленные совместно режиссером и каким-то небольшим агентством, удивили Кёнсу. В рамках их бюджета можно было сделать много лучше, если знать как. И бумагу покачественнее, и рисунок или хотя бы фотографию на первый план, и размер самого постера. Кёнсу миллион раз занимался подобным, так что имел понятие о тонкостях дела, но лезть с предложениями или критикой молодой человек не решился, считая, что таким образом вызовет новую волну раздражения у Криса, даже учитывая их внезапное перемирие. Блондин сказал, что объявления будут готовы в среду, а развешивать они будут их уже в четверг, поэтому и этот день оказался занят подготовкой.

Когда смолкли последние разговоры и были розданы самые последние мелкие указания, солнце давно скрылось за горизонтом. Кай попросил Тао отогнать его байк к дому, очень сильно удивив Кёнсу и тем, что черноволосый китаец жил недалеко от танцора, и тем, что в первый раз за то время, что они знакомы, никуда не торопился. Рекламист не связывал его поведения со своей последней просьбой, поэтому не меньше удивился, когда Чонин серьезным тоном позвал его прогуляться.

Сначала они долго шли в тишине по каким-то переулкам и просто мелким улицам, виляя в темноте позднего вечера и изредка ныряя в островки фонарного света, так редко попадавшегося им на пути.

Кай, видимо, знал, куда идти, потому что не сбавлял уверенного шага до того самого момента, как они вышли на набережную реки Хан. Это была единственная река Сеула, Кёнсу не сомневался, но в то же самое время район ему был вообще не знаком, а место, освещаемое лишь лунным светом и несколькими редкими фонарями, - и подавно. С двух сторон виднелись мосты, но какие именно парень так же не мог разобрать.

- Где мы? – тихо и немного взволнованно.

- Мы сейчас около моста Вонхё, район Мапхо, - равнодушно ответил Чонин, проходя к зоне отдыха, установленной для любителей прогулок по набережной, и садясь на скамью.

- О, - только и ответил парень, присаживаясь рядом и думая, что даже не представлял, как далеко находится от своего прежнего места жительства и работы.

- Собственно, театр располагается практически в районе Ёнсан, что делает его лакомым кусочком для перекупщиков недвижимости и застройщиков, - как ни в чем не бывало, без всякого вступления, начал танцор, глядя прямо перед собой. – А так как дела идут не очень, и Крис старательно отклоняет все предложения о продаже или аренде, то некоторые компании прибегают к не совсем честным методам убеждения. В основном срывают нам премьеры, подсылая шпионов под тем или иным видом, или посылают запросы на различные проверки в администрацию района, а порой и города.

- Неужто место такое злачное? – удивился Кёнсу, поднимая взгляд с трав на Чонина, но находя его все еще в той же самой позе.

На его сугубо личный взгляд, театр располагался в самом обычном, до странного даже, районе, без каких-либо стратегически важных объектов поблизости вроде музеев, домов премьер-министров, особенных ресторанов или даже торговых центров. Ровным счетом ничего примечательного.

- Вроде бы да. Оно достаточно близко, но и далеко от железнодорожной станции, почти на набережной и неподалеку, пусть и не рукой подать до них, масса достопримечательностей и чего-то там важного еще. Само по себе здание – национальное достояние, - Кай скривился. – И эта премьера – наш последний шанс.

- В смысле? Все *настолько* плохо? – обеспокоенно уточнил Кёнсу, тут же хмурясь.

- Мы получили предупреждение от администрации города, что если продолжим брать займы в банках, медлить с оплатой налогов и не докажем в ближайшее время общественную значимость данного театра, то продажа здания и прилегающей территории будет принудительной. Само по себе здание не разрушат, но передадут какой-нибудь конторе и создадут в нем что-то более полезное, нежели театр.

Кёнсу даже не знал, что сказать, потому что любые слова не имели никакого веса. Невооруженным глазом было видно, как труппа во главе с режиссером беспокоились о благополучии театра, но выходов из ситуации было не так много, а чтобы придумать лучший, требовалось время для обдумывания и проработки плана, а возможно еще и уточнение деталей, но вряд ли подобные подробности известны Чонину.

- Чонин, а как ты оказался в этом театре? – Кёнсу уже давно мучился этим вопросом, поэтому посчитал, что сейчас самое время его задать, чтобы чуть перевести тему и отвлечь танцора и себя от грустных мыслей.

- Посетил однажды спектакль, - просто ответил Чонин, пусть и понимая, но не акцентируя внимание на сменившейся канве разговора. – Помнится, это была «Спящая красавица» в современной обработке. Мне так понравилось, что я не удержался и едва спектакль закончился, бросился искать Криса.

- Так интересно было? – пусть Кёнсу и видел частями будущую постановку, все равно не мог до конца поверить, что зрелище настолько завораживающее, что в один момент может притянуть и затянуть с концами.

- Невероятно, - как-то благоговейно даже выдохнул Чонин, садясь прямее и подтягивая ноги под себя словно йог, - Но Криса я тогда, конечно, не нашел. Точнее нашел, но тот был так занят со своим дедом, который в то время ещё был режиссером и директором, что явно не смог бы меня принять, если даже и захотел.

- Так тот спектакль ставил не Крис?

- Это был его совместный проект с дедом, однако как потом рассказал сам Крис – полностью его, потому что имя деда использовали лишь для привлечения прессы. Это был фурор. Газеты так долго писали о них... - Чонин ярко улыбнулся, вспоминая, но тут же посерьезнел. - В общем-то, спустя пару недель в основном из-за смерти старшего Ву.

- Дедушка Криса умер? – Кёнсу посмотрел перед собой, проговаривая фразу, но словно не до конца веря в ее значение.

- Да, умер и оставил ему театр. Тогда-то и началась черная полоса. И в то же самое время я оказался возле дверей «Воплощение» снова.

- У театра есть название? – удивился Кёнсу, потому что для него данное место всегда было Театром современного танца, как красовалось на простом щите возле парадных дверей, и ничем больше.

- Ну да, - Чонин удивился не меньше рекламиста, а потом в его голове что-то щелкнуло, и он понимающе посмотрел на парня, - А, там же вывеска другая. Из-за желающих навредить, ее пришлось снять. Мы вешаем ее только во время спектаклей, а то несколько раз ее портили, причем очень серьезно, а она для Криса как память о деде. Чонин замолчал, отдаваясь воспоминаниям.

- Ты не договорил, как попал туда, Чонин, - напомнил ему Кёнсу спустя несколько минут.

- Точно, - танцор чуть приподнял уголки губ, но на этот раз улыбка была тяжелой и не затронула глаз, - Во время того балагана, что последовал за смертью старшего Ву, я вновь решил посетить театр и попроситься на прослушивание, но совершенно не знал, что творится за этими дверьми. Спасибо Крису, что отверг меня вполне мягко и дружелюбно даже.

- Э? – тут Кёнсу оказался ошарашен, - Он не принял тебя? И как ты?..

- Он тогда на меня даже не посмотрел. В итоге я приходил три раза в течение пяти месяцев. Во второй раз я так же просился на место костюмера, потому что вообще-то учился в колледже прикладных и изящных искусств и занимался как балетом, так и дизайном. Но и тут мне не повезло, потому что взяли какого-то выскочку с зарубежным дипломом, на проверку оказавшимся первым шпионом от застройщиков. Крис меня вообще принял лишь после того, как случайно увидел в клубе.

- В клубе?

- Да, - Чонин почесал затылок и неловко засмеялся, - Я тогда горе театральное заливать

пошел вместе с Бэхёном и остальными парнями из группы, а в итоге так напился, что танцевал прямо на столе, да еще с какими-то девчонками у шеста. Крис снял меня с него, наговорил всякого про юных алкоголиков и сказал явиться к нему на повторное прослушивание на следующий же день.

- Ты разве не танцевал для него раньше? – неуверенно уточнил рекламист, в уме же прикидывая, каково это – Чонин, танцующий практически стриптиз у шеста. Почувствовав приливший к щекам и ушам жар, Кёнсу тряхнул головой, отгоняя неправильные мысли.

- Танцевал, да только балет, - Чонин вновь посмеялся, ероша себе волосы и абсолютно не замечая терзаний соседа по скамейке. – А театр же современного танца, вот и надо было, оказывается, исполнить что-нибудь эдакое.

- И давно это все было? – немного прокашлявшись, вновь задал вопрос парень.

- Два года назад почти. Я участвовал в постановках, но не на главных ролях. Этот спектакль мой первый, как центрального персонажа. Крис сказал, что решил его ставить, как только услышал выбранный мной псевдоним, но сначала проверял меня и наращивал опыт. И писал сценарий, конечно.

- Боже, так это будет Снежная королева? – Кёнсу аж подпрыгнул, чем немало удивил танцора. – Никогда бы не догадался.

- Ну, мы вообще специально конспирацию наводим, но да, это она.

- Невероятно, - только и проговорил парень, - Столько всего в твоей жизни происходит каждый день, месяц за месяцем. Не удивительно, что я завидую.

- Не стоит завидовать так слепо, - покачал головой танцор, - На самом деле очень тяжело сохранять присутствие духа, когда почти каждый день происходит что-то... не слишком хорошее. Иной раз неделя или две идут спокойно, но потом по капле – новые и новые проблемы, которые из маленьких часто превращаются в гигантские.

- Ты про слухи?

- Нет, это не самое страшное. Слухи высосаны из пальца людьми, но наша постоянная публика их не пугается. Самое страшное – реальные проблемы, которые устраивают банки, если не вернуть заем вовремя, или администрация, когда мы не в состоянии платить даже ежемесячные налоги. И еще более ужасно, что с каждым месяцем привлечь новых посетителей все труднее и труднее. Это не совсем моя жизнь, но часть ее, что очень сложно. И я не включаю сюда ни группу, с которой мы тоже периодически выступаем, потому что Бэхёну и Чондэ нужна практика для прослушиваний, да и живые записи необходимы, чтобы иметь больший вес; ни многочисленные работы, дабы иметь возможность за все платить, учитывая, что лично на себя я трачу копейки.

Кёнсу глубоко задумался и подтянул колени к груди, обхватывая их руками и кладя голову на бок. Глядя сейчас на Чонина, парень понимал, как ему на самом деле тяжело. Под гнетом ответственности за свои собственные решения, да за друзей, которым

помогал, было видно, насколько ему трудно держаться.

- Как ты справляешься? – в итоге выдал рекламист, чем озадачил Чонина, привыкшего в их отношениях успокаивать, а не принимать участие. Парень кинул быстрый взгляд на Кёнсу, а потом задумался.

- Как-то, - спустя минуту он только пожал плечами, - Мне ведь правда нравится. Я добивался этого всего так долго, что, получив, больше не хочу терять. Меня, в общем-то, ничего не угнетает, но иногда становится страшно за будущее. Я боюсь потерять мечту.

- В смысле прекратить мечтать?

- Нет, в смысле потерять, что имею. Это все - моя мечта.

- Здорово, - улыбнулся Кёнсу, в который раз думая про себя, что встреча с Чонином для него воистину участие провидения.

Даже просто слушая этого парня, молодому рекламисту становилось и лучше, и теплее, и спокойнее. Его горестные и депрессивные мысли уходили на задний план, постепенно заменяемые сначала слабым, а потом и более сильным желанием встать на ноги и решить свои проблемы, перестать контролировать и упорядочивать, но просто жить и любить себя и то, чем занимаешься.

Кай вот точно любил, иначе бы давно сдался.

И Кёнсу нужно полюбить, чтобы, наконец, избавиться от груза, собственноручно взваленного на собственные плечи. На сердце. Помириться с родителями, вспомнить о друзьях и пройти путь так называемого очищения. Хорошенько отдохнуть, а потом уже вновь взяться за столь любимое когда-то дело. Ведь Кёнсу любил рекламу не меньше, чем Чонин – театр и танцы, просто неподвластные ему обстоятельства не должны были так повлиять на суждения парня. У Кая проблемы, возможно, в сотни раз более серьезные, но он не сдаётся. И не сдаётся не только потому что сильный сам по себе. Нет, у него есть поддержка: друзья и труппа, которые хотят благополучия театру не меньше него самого, а Кёнсу свою поддержку опять же собственноручно выбросил за дверь, как ненужную и мешающую.

- Слушай, а Сехуну тоже нравится Лухан? – с бухты-барухты, прямо возле парадной дома танцора, спросил Кёнсу, сам себе поражаясь.

Разговор вообще был ни о том, да и закончился достаточно давно. Всю дорогу домой парни молчали, глядя в разные стороны, в разные окна автобуса и идя с разной скоростью один впереди другого. Потому что все-таки они были очень разными в своей сути. И тут рекламисту приспичило задать крутящийся на языке вопрос, который вообще сложно воспринять иначе, как неадекватный.

- Почему ты спрашиваешь? И откуда ты вообще знаешь Сехуна? – Чонин не скрывал

своего удивления, между тем открывая входную дверь.

- Я видел его в первый день, - Кёнсу еще сильнее смутился своего порыва, - Я спал на диванчике, но меня разбудила возня, и я услышал, как Лухан сказал ему, что у них ничего не выйдет.

- Сехун вечно хочет то, чего получить не может, - вздохнул танцор. – Лухан по уши влюблен в Минсока и никогда не позволит себе даже подумать о чем-то не касающемся его. Причем Минсок в принципе спокойно относится к его одержимости, и никогда не показывает подобных ему стремлений. Правда я почему-то уверен, что он влюблен в Лухана не менее, просто поступает проще.

- Мне показалось, что Минсок влюблен в Лухана ничуть не меньше... - серьезно сказал Кёнсу, вспоминая парочку.

- Значит, так оно и есть, - просто пожал плечами Чонин. – Со стороны виднее. Я ведь знаю их дольше, видел, как все начиналось, так что мне трудно сказать что-то точное.

- Со стороны видно, - подтвердил рекламист, - Что они прямо источают энергию счастья и любви. Не думаю, что их отношения идеальны, но явно приближены к эталону. Во всяком случае, к моему.

- У тебя есть даже эталон отношений? Романтический план, наверное, тоже имелся? – усмехнулся Чонин, поворачиваясь к Кёнсу лицом посреди лифта, поднимающего их на нужный этаж.

- Б-был, - неуверенно проговорил парень, пугаясь взгляда танцора, такого глубокого и «я-знаю-все-твои-тайные-желания».

Но Чонин больше ничего не сказал до самой квартиры, довольно быстро расправившись с ужином и подготовкой ко сну, а затем просто отвернулся от рекламиста, молча отдаваясь усталости, тем самым оставляя в душе Кёнсу несколько царапин.

Глава 5

Новый день удивил Кенсу страшно (как впрочем удивляло все связанное с Каем). Его невольный хозяин встал ни свет не заря и поднял сонного Кенсу, объявляя, что именно сегодня они идут сначала гулять и отдыхать вдвоем, раз выдался выходной, а затем вечером в андеграунд клубе выступает его группа, и они обязаны туда явиться. На что помятый рекламист даже возразить не успел, как был утянут в ванную умываться.

Чистя зубы напротив небольшого зеркала, Кенсу обдумывал небывалую воодушевленность Чонина, списывая в итоге все на нетерпение и ожидание премьеры. Вчерашнее окончание вечера сегодня ничем не угадывалось, а это расслабляло и заставляло верить, что являлось не более чем шуткой, немного грубой, но все же шуткой. Сердце от нее еще немного покалывало, но открываться Каю парень все равно не собирался, поэтому и заставил себя, насколько это возможно, успокоиться и отодвинуть ненужные чувства в сторону.

Снующий туда-сюда по квартире, такой не похожий на себя обычного, слегка угрюмого, закрытого и осторожного, Чонин притягивал взгляд. Казалось, что-то горело в нем ярче, чем обычно. Лицо освободилось от тяжести невзгод и переживаний, уступая место спокойному и светлому ожиданию лучшего. Видно было, что Кай до последнего верил в успех, поэтому ему поверил и Кенсу. Он верил в отличный день, в прогулку, в успех группы и конечно же в театр. Кенсу верил, что Чонин сможет все, потому что и раньше получалось.

После быстрого завтрака, около одиннадцати парни вышли на улицу, ощущая легкий, теплый ветерок в волосах и прогревающие лучи весеннего солнца на лице. Погода была шикарной, поэтому и прогулка обещала быть не менее замечательной. Чонин не стал брать мотоцикл, а просто уверенным шагом потопал куда-то вперед, к ему одному ведомой цели. Кенсу еле успевал следить за сменой маршрута, на ходу разглядывая незнакомый район и отмечая, что давно просто так не ходил пешком, просто гуляя. И давно забытое ощущение было приятным и теплым, как само солнце.

В итоге парни прибыли к небольшой и очень уютной кафешке, в которой продавали отменные пирожные и кофе. Кенсу не был сладкоежкой, поэтому поначалу без особого энтузиазма воспринял предложенное меню, больше наслаждаясь внешнем видом обустроенного в домашнем стиле помещения.

- Просто попробуй лимонное, - глядя прямо через глаза в душу, сказал Чонин.

И Кенсу попробовал, а потом еще парочку, не считая кусочка, стащенного с чизкейка Чонина. Единственное, что заволновало уже в конце – оплата – чуть подпортило настроение.

- Не волнуйся, сегодня я плачу, - спокойно уверил Чонин, и Кенсу стало немножко и спокойнее, и стыднее.

У него были деньги, только дома, в закрытой квартире, ключи от которой покоились на тумбочке Чонина, словно безвозвратно забытые и ненужные. Он пользовался Чонином:

его гостеприимством, его добротой, его деньгами, его кроватью. ВСЕМ. Нужно бы вернуть долг, как-то отплатить за щедрость к совершенно незнакомому человеку, по большому счету – обузе. Только чем, Кенсу пока не знал, но, виновато улыбнувшись, думал, что обязательно найдет.

Из кафешки Кай чуть ли не за руку потащил разомлевшего от тепла и сладкого Кенсу в сторону кинотеатра, находившегося в часе ходьбы через несколько зеленых парков, потому что они периодически останавливались и любовались окружающей природой, становящейся с каждым весенним днем все ярче и свежее.

- Почему мы весь день ходим пешком? – пожаловался Кенсу, невзначай наступивший в одну из больших луж, образовавшихся после ночного дождя. – Мокро же, да и еще не настолько потеплело.

- Сегодня мы отдыхаем, - повторил сказанное утром Чонин, - Я хочу, чтобы ты посмотрел на то, что вдохновляет меня. Может, тогда и ты поймешь, что делать дальше и как выбраться из своей депрессии. Ты же хочешь этого, не так ли?

Кенсу только поджал губы в задумчивости и взглянул на небольшую речку, почти ручеек, протекающую посреди чуть подернутых зеленой дымкой деревьев, все еще объективно голых, но уже очевидно проснувшихся от зимней стужи. Рекламщику даже пришло в голову, что он, как и эти многолетние дубы, ивы и осины, скоро и правда сможет расцвести и зазеленеть, если приложит чуть больше усилий в поисках своего места. Может, оно не так уж далеко от него, не так уж непонятно и туманно.

Внезапно раздался щелчок затвора. Оказывается, все то время, что паренек провел в задумчивости, Чонин фотографировал. Парень не подбирал кадры, не сидел в ожидании удачной сложившейся картинке, а просто щелкал все подряд. Деревья, солнце, лужи – абсолютно все.

- Что ты фотографируешь? – спросил поначалу удивившийся наличию камеры Кенсу, но почти сразу вспомнил, что нет ничего, чего не мог бы Ким Чонин.

- Красоту, - было ему лаконичным ответом.

Взглянуть на получившиеся кадры Чонин рекламщику не дал.

Потом они долго всматривались в афиши, прежде чем выбрать сложную психологическую драму с историческим уклоном длительностью три часа, которая заинтересовала и не особо понимающего в кино рекламщика. Судя по полупустому залу – только они и еще несколько пожилых интеллигентных пар – этот фильм не пользовался сильной популярностью, зато у входа в зал, показывающий очередной компьютерный боевик по типу Аватара стояла целая толпа. Руки ломались от двойного комбо попкорна (и это к тому, что еще не переварились пироженки), но в итоге парни добрались до своих мест и успешно уселись как раз к начавшейся рекламе.

Фильм оказался отличным: со смыслом и шикарной режиссерской, операторской и сценаристской работой, позволившей Кенсу настолько погрузиться в сюжет, что не

заметить окончания и так и продолжать сидеть на стуле, даже когда уже включили свет и пустили финальные титры. Уловив движение возле себя, рекламщик встретился глазами с понимающим взглядом Чонина, смотревшим на него с полуулыбкой.

- Это было шикарно, - выдохнул Кенсу, подбирая с пола пустые стаканы из-под попкорна.

- Не то слово, - согласился брюнет.

В восемь их на входе в клуб уже ждал Бэкхен, которого Кенсу с трудом узнал из-за броской одежды, виртуозно уложенных волос и огромного количества подводки. Он нервно покусывал большой палец, поглядывая по сторонам, словно выискивая кого-то (их, несомненно) в толпе, которая собиралась у дверей. Едва заметив их на мотоцикле, ради которого они сделали петлю до дома, парень нахмурился и грозно оглядел Чонина с ног до головы. Он молчал, ожидая, видимо, оправданий со стороны басиста, но тот просто схватил Бэкхёна за запястье и молчаливо потащил в сторону черного входа.

- Эй, ты опоздал, но ведешь себя, словно владеешь положением, - возмутился вокалист, вырывая руку и торопливо идя следом. – Нам еще нужно отрепетировать, а наша очередь вот-вот.

- Не кипятись, Бэк, - устало бросил Чонин, - Мы все успеем. Всегда успевали.

- Это оно конечно да, - быстро согласился парень, но тут же гневно добавил, - Но в те многочисленные разы нам не предстояло выступать перед представителями сразу трех агентств!

Чонин притормозил на лестнице и обернулся на Бэка, в то время как Кенсу просто оставался в стороне и наблюдал за разговором парней, словно забывших о его существовании.

- Seriously? Ты уверен?

- Стал бы я шутить... - с волнением выдохнул Бэкхен, - С одним я знаком лично, а о двух других мне рассказали бармены. Они часто сюда ходят, выискивают таланты. И они из крупных агентств.

- Ого, - с озадаченным на лице приятным удивлением произнес Кай, тут же подхватывая ошеломленного и ничего не понимающего Кенсу под руку и втаскивая в гримерку, - Нам нужно поторопиться. Сегодняшний день превращается в новое испытание на прочность.

- Парни хотят стать трейни? – тихонько уточнил Кенсу, здороваясь с занятыми макияжем Чондэ и Чанелем.

- Это главная мечта Чондэ и Бэкхена, - ответил Чонин быстро снимая с себя простую рубашку и джинсы, что надел утром на прогулку, и снимая с вешалки кожаные брюки и белую футболку.

- А Чанель? – Кенсу отвел взгляд от оголившейся груди танцора.

- Он хочет стать композитором, - сквозь шорох ткани одеваемой через голову одежды проговорил басист. – Но для этого тоже подойдет агентство, может, дебют в группе. Главное, чтобы потом дали проявить себя в написании песен.

- А ты?

- Мне достаточно театра, я думал, ты это понял, - с легким осуждением в голосе отозвался Чонин, хватая Кенсу и усаживаясь в кресло перед большим зеркалом.

Парень быстро порылся в какой-то косметичке и протянул рекламщику тюбик с черной подводкой. Кенсу взял ее на автомате, на самом деле не очень представляя, чего от него хотят.

- Помоги, - попросил Чонин, - Обычно нас красит Бэк, но он только что ушел с Чондэ распеваться. Мы сейчас одни, а я не могу делать сам себе ровно.

Кенсу оглянулся и к своему удивлению не увидел в комнате ни Чондэ, ни Чанеля, ни Бэкхена. Как и сказал Чонин, парни остались в комнате вдвоем, что немного смутило рекламщика. Он так заговорился и заслушался Кая, что полностью отключился от внешнего мира, не заметив ухода остальных парней.

- О, ладно... - Кенсу медленно приблизился к прикрывшему глаза танцору, не зная, как лучше пристроиться и вообще начать прикасаться к нему.

- Ты чего застыл, до выступления осталось мало времени, - Чонин приоткрыл один глаз, глядя в растерянное лицо рекламщика.

Кенсу аккуратно открыл карандаш и глубоко вдохнув и выдохнув, наклонился над басистом, кончиками дрожащих пальцев приподнимая его лицо за подбородок. Для удобства он тут же перенес руку на лоб Чонина, аккуратно приподнимая длинную челку и застывая на мгновение от их нелепой близости. С такого расстояния Чонин выглядел слишком интимно, а в тишине комнаты это ощущение усиливалось в несколько раз. Вспомнился поцелуй в клубе. Парень даже нервно глянул на пухлые губы танцора, тут же слизывая сухость со своих. Отчаянно хотелось наклониться ближе, что он и делал неосознанно. Их дыхание уже смешалось. Еще совсем чуть-чуть...

Внезапно дверь распахнулась, а Кенсу, едва не умер на месте от страха и смущения.

- Мы закончили. Чонин, ты еще не накрутил? – Бэк деловито подхватил из одеревеневших рук Кенсу карандаш и подошел к открывшему глаза басисту, - Давай я, так будет быстрее.

Кенсу лишь сглотнул, быстро стреляя глазами на Чонина и ловя на себе озадаченный и немного странный, нечитаемый для рекламщика взгляд в ответ. Парень предпочел оставить Бэкхена и Кая в одиночестве, попросту сбежав с места практически

совершившегося преступления и медленно стекая по стенке рядом с входом в гримерку. Он никак не мог поверить, что едва не поцеловал Чонина, пока тот сидел с закрытыми глазами, абсолютно не представлявший, что какой-то подобрыш с улицы посягает на его губы. Спасибо, Бэк. Пошел к черту, Бэк.

В зале было очень много народа. Для Кенсу даже слишком много. Конечно, группа Чонина была не единственной выступавшей сегодня, но все же по мнению рекламщика это был странный ажиотаж для небольшого подпольного андеграунд клуба в не самом престижном районе Сеула. Толпа к тому же была очень разношерстной: и панки, и готы, и эмо, и рокеры, даже с десяток-два байкеров, помимо обычных людей, внешне совсем не относящихся к какой-либо субкультуре. И было бы непонятно, откуда они и зачем, если бы не большая вывеска на сцене, обозначающая данное собрание 10-ым по счету фестивалем смешанных культур.

Чего бы это название ни значило, Кенсу просто попросил у официанта стакан воды и ждал выступление парней. У них было заявлено две песни. Почти у всех групп и исполнителей было по две песни. Первые три группы показали рекламщику, вполне разбирающемуся в музыке, полным отстоем. Слишком крикливые парни в цепях и латах, слишком сбивчивые неудачливые рэпперы с самым жутким фристайлом, который когда-либо слышал Кенсу. И еще неплохая вокалистка, которая замахнулась на то, что ей потянуть было не дано от природы.

Было за полночь, когда, наконец, настала очередь группы, которую объявили как «Uncharted». Только завидев на сцене знакомые лица, Кенсу пришло в голову, что он, собственно, не знал названия группы, не знал, кого все это время ждал. И успев заскучать невероятно воодушевился и заулыбался, предвкушая выступление... друзей?

Уверенно выйдя на сцену, четверо ребят заняли свои места и, насколько было видно Кенсу – закрыли глаза, настраиваясь на волну и очевидно ожидая тишину в зале, чтобы начать свое выступление. Кенсу тоже ждал, затаив дыхание и проворачивая в голове множество вариантов из услышанных им ранее на репетициях песен. Будут ли они петь Sail Away или все-таки выберут что-то из песен Skillet? А может Чанель написал им свою песню? Кенсу было безумно интересно, и поэтому он даже сел ровнее, нервно оглядываясь по сторонам и видя, как многие в зале разделили его интерес.

Первые ноты застали врасплох, потому что Кенсу думал, что песня будет в стиле рок, как и их одежда, как и их аура, но нежный и трепетный голос Бэкхена пропел осторожно и трогательно:

*(*I am tired of this place, I hope people change
I need time to replace what I gave away
And my hopes, they are high, I must keep them small
Though I try to resist I still want it all*

А затем к Бэку добавился голос Чондэ. Чанель и Чонин вступили в песню еще несколькими мгновениями позже, осторожно распространяя атмосферу песни и

собственный характер по залу, давая зрителям понять и почувствовать, кто они такие и зачем их группа вообще здесь. Кавер на известную песню, но все же такое личное выступление, словно каждому из них было чем поделиться через эти простые, но весомые слова.

Они пели песню нежно обтекая ноты голосами, но в то же время твердо, уверенные в том, что именно хотят донести до слушателей. Никто не кричал и не свистел, как некоторым другим артистам, когда выступление надоедало, парни умели держать зал даже такой спокойной песней, как эта. Но все изменилось, стоило первым аккордам следующей заиграть, давая понять зрителям, что самое интересное еще впереди.

*(**)I kept everything inside and even though I tried, it all fell apart
What it meant to me will eventually be a memory of a time when...
I tried so hard
And got so far
But in the end
It doesn't even matter
I had to fall
To lose it all
But in the end
It doesn't even matter*

Когда Чондэ дошел до этих строчек, сменив хриплый и надрывный рэп Чанёля, Кенсу понял, что плачет. У него даже создалось впечатление, что парни подбирали песни для него, для его жизненной ситуации, под его характер, вбивая в грудь острый нож правды. Однако в то же время он прекрасно понимал, что эта песня и про них самих, про их старания и надежды, про успехи и поражения. Кенсу хорошо осознавал, скольких усилий каждый из них прилагал, чтобы иметь что имеет и гордиться собой, надеяться на светлое будущее и понимать, чего хочет от жизни. И надеялся, что, возможно, он скоро тоже сможет обрести покой и свою дорогу.

Зал взорвался аплодисментами, стоило «Uncharted» закончить петь, поставив точку последним аккордом и горящим взглядами встретиться с реакцией толпы. Даже ранее выступавшие группы и исполнители с удовольствием хлопали и кричали слова поддержки, словно позабыв, что в некотором смысле перед ними потенциальные соперники, особенно если дело коснется прослушивания в агентства.

Кенсу же с восторгом хлопал и думал, насколько невероятных людей встретил, пусть даже не очень близко их знал.

Спустившись через несколько минут после окончания их выступления в гримерку и не дожидаясь, когда назовут следующих артистов, рекламщик целенаправленно подошел к счастливой группе и сиял, не желая сдерживать рвущее наружу счастье и удовольствие.

- Вы были великолепны! – выдохнул Кенсу, хватая ошеломленного от подобного Бэка за плечи и прижимая к себе, - Спасибо за шикарное выступление, глаз было не оторвать.

Остальные парни ярко улыбались, но в выражении лица Чондэ все равно скользило беспокойство.

- Надеюсь, агенты тоже оценили, - сказал он, отвинчивая у бутылки с водой крышку.

- Да не за что, - почему-то смутился Бэксён, глядя на Кенсу. – Спасибо, что поддерживал нас.

Кенсу же обратил внимание на Чонина, стоявшего в стороне и серьезно глядевшего с экран мобильного телефона и что-то там быстро вычитывающего.

- Скоро вернусь, - бросил он, прежде чем пулей вылететь из комнаты.

- Вечно у него срочные звонки, дела и секреты, - беззлобно проворчал Чанель, глядя вслед басисту.

- Ну, не всегда так было, - покачал головой Чондэ, - Чонин последние 3 года такой скрытный, а во время учебы важнее нас могла стать только танцевальная студия и то только во время соревнований.

- Вы вместе учились? – отозвался Кенсу, на задворках сознания начиная понимать некоторые нюансы.

- В старшей школе, - кивнул Бэксён, снимая кожаную куртку и вешая ее на спинку стула.

- У нас ещё тогда появилась группа, но Чонин всегда больше любил танцевать, - добавил Чанель, - Он был очень успешным танцором, выигрывал конкурсы разные. Но и с нами зависал, может, потому что думал, что если не через танцы, то через музыку его заметят и возьмут в агентство. Как и все мы, собственно до сих пор надеемся, хотя и многовато нам лет для дебюта. Только несколько лет назад он с танцами завязал.

- Нет, он до сих пор танцует, - поддавшись общей атмосфере зачем-то ляпнул Кенсу.

- В смысле? – бросив собирать в сумку косметику и вещи, резко выпрямился Бэксён, да и другие парни наострили уши.

- Ну... он... мы... - как-то замялся рекламщик, понимая, что выдает чужую тайну, даже если глубоко внутри не соглашался с ее существованием.

- Не мямли, Кенсу,- Бэксён подошел ближе, - Мы его друзья, а он ничего нам не рассказывает, только появляется на репетициях и снова сбегает. Ты знаешь, как давно мы с ним куда-то вместе выходили? Года два, а то и три. По первой у него были семейные проблемы, теперь проблемы другие, но мы о них не в курсе. Чонин не дает нам возможности за него беспокоиться или помочь, как друзьям. Да или хотя бы порадоваться, если все у него хорошо.

- Если ты чего-то знаешь, лучше расскажи нам, потому что сколько бы мы ни спрашивали,

Чонин молчит, как партизан, - видно было, как Чондэ и других парней волновало благополучие Чонина, и Кенсу внутренне еще сильнее удивился, зачем было скрывать от них театр.

- Эм... - Кенсу еще не был до конца уверен, стоит ли рассказывать парням, но все же решил, чисто с профессиональной точки зрения, что чем больше народу знает о спектакле, тем больше зрителей будет в зале, - Приходите в пятницу в театр современного танца, тогда все сами увидите. Да, это то, что нужно. Обязательно приходите и если сможете, приводите знакомых, кого только сможете. Это очень важно Чонину, а большего я пока сказать не могу, я итак ему проблем доставляю.

- Но поче... - начал Бэксён, пристально глядя на Кенсу, но тут же переводя взгляд ему за спину и хмурясь.

Кенсу тоже обернулся и встретился взглядом с отчего-то очень серьезным и даже злым выражением на лице басиста.

- Какого черта? – процедил он, но его оборвал строгий и звонкий голос вокалиста:

- Кенсу, мы совершенно точно придем.

- Ага, - синхронно добавили два других парня, подхватывая куртки и другие вещи.

- Но сейчас мы пожалуй пойдем, фестиваль окончен, да и поздно уже, - тактично добавил Чондэ, сгребая за руку застывшего в немой борьбе с Чонином Бэка и выставляя того за дверь вместе с Чанелем.

Кенсу отчего-то приуныл, размышляя над сбежавшими парнями и собственной участью, ведь Чонин очевидно все слышал. Хотя Кенсу не давал никаких обещаний хранить в тайне наличие театра и премьеры, во всяком случае Чонину. Да и Крису он обещал не рассказывать об увиденном внутри, а парням он ничего такого не сказал.

- Что это было? – выдохнув, спросил Чонин, однако не прибывая в хорошем расположении духа.

- Ну, я пригласил парней на премьеру, - решив не тянуть с правдой, отозвался Кенсу.

- Кто тебя просил? – злость в голосе танцора стала еще более очевидной и опасной.

- Никто, - больше Кенсу сказать было нечего.

- Вот именно! – Чонин повысил голос, а рекламщик вздрогнул от неожиданности и сжался, когда парень сделал несколько шагов к нему навстречу, - Тебя никто не просил, тебя это не касается, повторяю.

- Но они же твои друзья! – Кенсу пошел в наступление, удивленный собственной

эмоциональной реакцией. – Они первые, кого стоило пригласить на премьеру! Даже чисто с коммерческой точки зрения, чтобы заполнить зал, ведь это нужно театру, вам всем – успех спектакля! А ты три года скрываешь от них свои проблемы и свои выступления, хотя я уверен, они бы с удовольствием ходили бы на каждое!

- Да что ты знаешь?! – Чонин вышел из себя, это было видно, но для Кенсу все еще было загадкой, ПОЧЕМУ.

- Ничего, ты прав, - сухо согласился рекламщик, - Я ничего не знаю о тебе и твоих проблемах, но я все еще опытный специалист, со степенью в рекламе и знаю базовые правила хорошего маркетинга. Если хотите, чтобы спектакль был успешным, начните приглашать родственников, друзей и знакомых. А они в свою очередь разнесут эту новость своим знакомым. И в зале придется ставить дополнительные стулья.

Закончив, Кенсу вздернул подбородок и, обогнув Чонина, вышел из гримерки, направляясь к мотоциклу танцора, коря себя за несдержанность и молясь, чтобы тот не решил выкинуть его из собственного дома и жизни уже сегодня.

Во время поездки между ними только росло напряжение, потому что слоило Чонину подойти к мотоциклу и завести двигатель, как Кенсу уже решил, что парень уедет без него. Молча подав рекламщику второй шлем, Чонин тем самым несколько поумерил его страхи, но еще не до конца успокоил.

Они молчали всю дорогу. Обычно они тоже не особо разговаривали, но Кенсу почему-то даже боялся держаться за Чонина во время поездки, найдя сидение более подходящим вариантом, но точно не с точки зрения безопасности. Всю дорогу он представлял себе, как на большой скорости слетает на асфальт, а Чонин едет дальше, даже не заметив этого. Ведь обычно он заставлял парня держаться за себя, иногда насильно прижимая того к себе и ворча, что так надежнее.

На улице рядом с домом Чонин так же шел вперед, не глядя по сторонам и не оглядываясь на опасно следующего за ним рекламщика. Только играл с ключами, то ли чувствуя себя намного расслабленней Кенсу, то ли наоборот тоже ощущая эту нарастающую неловкость. Только в лифте Кенсу осмелился кинуть взгляд на напряженное лицо Чонина, который смотрел в одну точку где-то в полу и так же продолжал крутить ключами, пока кабина двигалась все выше и выше, а от тишины были слышно тиканье наручных часов танцора.

Что-то внутри Кенсу вскипело, и он, стоило лифту остановиться на нужном этаже, резко выбежал наружу, оставляя Чонина одного в кабине и направляясь к лестничной площадке, чтобы спуститься обратно и уйти с глаз долой, может даже вернуться домой, в привычный порядок и контроль. Но далеко убежать ему не дали, Чонин успел схватить его за локоть и развернуть, прижимая другой рукой к лестничной двери. От столкновения у Кенсу выбило дыхание, да и ладонь на горле сильно мешала.

- Сбежать решил? – зло поинтересовался Чонин, заглядывая в глаза рекламщику. –

Испугался неизвестности? Потерял контроль?

- А если и да? – точно так же раздраженно кинул в ответ Кенсу, пытаюсь вырваться из захвата.

Однако Чонин ему не ответил, не обсмеял, не остановил, но и выбраться не позволил, только смотрел в глаза и молчал. А когда Кенсу решил воспользоваться ногами, чтобы оттолкнуть парня, танцор перехватил его руки удобнее и, просунув колено между ног рекламщика, прижался плотнее, совершенно лишая Кенсу возможности двигаться и поставив их в двусмысленное положение.

- Да отвали ты уже! - взмолился Кенсу, не желая этой навязанной близости с раздраженным и злым на него парнем, - Раз все вокруг не мое дело, то и находиться мне тут не стоит! Я тебе не нужен, ты ведь не обязан меня за собой таскать и нянчиться. Отпусти, и я оставлю тебя в покое с твоими собственными страхами и проблемами.

У Кенсу подкатывал комок к горлу от разочарования в себе и в собственной слабости. Он только хотел помочь, ему и театр и группа стали близки, а их проблемы – собственными и первой важности. А тут чужая гордость как препятствие... Рекламщик собрался с силами и все-таки на несколько мгновений оттолкнул задумчивого Чонина, хотя этого времени ему не хватило, чтобы сбежать, потому что он тут же был прижат обратно, только с большей силой и грубым поцелуем в дополнение.

Обескураженный парень тут же перестал вырваться, ощущая чужие теплые губы на своих. Чонин ничего не предпринимал, только прижимался к нему, даже не давая возможности попробовать себя на вкус.

- Спасибо, - отрываясь, выдохнул танцор, еще больше удивляя Кенсу.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, каждый думая о своем поведении, своем понимании, своем участии и своей вине, а потом как-то оба подались навстречу друг другу, осторожно касаясь губами и постепенно углубляя поцелуй. Исследование, аккуратное движение губ, а потом и первое прикосновение языка, искрой пролетевшее по всему организму, разжигая нарастающее пламя. Они дышали друг другом, одним воздухом на двоих, так казалось Кенсу.

Стало так жарко, что жутко хотелось снять куртку, да и помочь с этим Чонину, но в то же время нельзя, нельзя было отрываться, разрушать этот сладкий момент. Томно простонав от нового движения во рту, Чонин сильнее прижал Кенсу к двери, запуская руки ему в волосы и очевидно желая большего, как и сам рекламщик. Парень кусал губы Кенсу, а сам рекламщик давно запустил руки под его футболку, ощущая под подушечками пальцев сильные мышцы. Ещё чуть-чуть и они перейдут к следующему пункту прямо здесь...

Но у соседей были другие планы, потому что недалеко от них открылась дверь, встряхивая парней и те, едва какая-то бабулька вышла на лестничную площадку с мусором, оторвались друг от друга, оправляя одежду.

- Здравствуйте, миссис Ли, - вежливо поздоровался Чонин, вытаскивая связку ключей и подходя к своей двери.

- О, здравствуй, Чонин, - загадочно улыбнулась старушка, скидывая пакет в мусоропровод. - Ты припозднился.

- Как ваши дела в клубе? – улыбнулся в ответ парень, кидая взгляд на подвисшего Кенсу, который не ожидал от Чонина еще и близких отношений с соседями.

- Да все так же, ничего интересного не происходит, а в этом месяце у клуба юбилей, мы хотели куда-то выйти, но идей нет. Учитывая, сколько нам лет, мы уже почти везде побывали, - посмеялась женщина, возвращаясь к своей квартире.

- Приходите в театр современного танца! – придя в себя, взорвался идеей Кенсу, совершенно позабыв, за что Чонин совершенно недавно был на него зол.

- Театр танца? – задумалась миссис Ким, взглянув на рекламщика.

- Верно. Чонин там танцует, - уверенно добавил Кенсу, - Мы сделаем вашему клубу скидку, только обязательно приходите. В пятницу у нас премьера нового спектакля.

- Думаю, мы придем, - впечатлено согласилась старушка, переводя взгляд на Чонина, - Всегда было интересно, куда ты таскаешь все эти костюмы и декорации, да и эта идея лучше, чем гольф или маджонг.

Она попрощалась с ними и ушла, а Чонин молчал, глядя на Кенсу, который только пожал плечами и, отобрав у танцора ключи, открыл дверь в его квартиру и прошел внутрь. Эта внезапная легкость и смелость поражала даже его самого.

Танцор же еще какое-то время стоял на площадке. Возможно, Чонин злился на самого себя, а не на Кенсу?

Примечание к части

(*) Troye Sivan - Fools

(**) LP - In the end

Глава 6.

Еще на подъезде к театру, Кенсу охватила непонятная тревога.

Чонин же нахмурился, когда они вошли в театр, а на пороге и в фойе не было ни одного работника, слышался только приглушенный гул голосов из глубины актового зала. Предполагалось, что с самого утра все дружно займется уборкой и приведением как внешнего, так и внутреннего вида театра в порядок, а вечером пойдут расклеивать и раздавать рекламные листовки и постеры, оставляя целый день на продажу билетов. Тактика, конечно, не блестящая, но вполне оправданная, учитывая прошлые провалившиеся попытки дать разные спектакли.

- Почему никого нет? – осторожно спросил Кенсу, уверенный, что Чонин в курсе происходящего.

Но Чонин, видимо, не был. Он хмуро шел дальше, к входу в зал, оставляя Кенсу необъяснимое чувство неизбежной катастрофы.

- Крис, ну откуда я мог знать? – возмущенно кричал парень, судя по всему ответственный за заказ флаеров и постеров.

- Ты должен был их проверить! – возмущался режиссёр, а Исин гладил его по руке, стараясь успокоить.

- Интересно, каким образом? – не отступал парень, - Прийти к ним с ордером? С какого перепуга?

Крис в порыве злости сделал несколько шагов вперед, а потом развернулся в противоположную сторону и с рыком обернулся вокруг своей оси. Он был мало сказать взбешен, и Кенсу было почти понятно почему.

- Что происходит? – сухой голос Чонина отвлек труппу, но большая часть людей просто глубоко вздохнула или покачала головами, словно складывая руки, сдаваясь.

- Ты помнишь, что мы заказывали рекламные листовки? – осторожно начал Исин, поглядывая на Крису, закрывшего глаза и пытающегося дышать по фен-шую.

- Наш заказ отменили, - выплюнул Тао, запуская бумажным шариком в Чонина.

Танцор ловко поймал брошенное и, развернув скомканную бумагу, уставился в несколько официальных строчек с гравюрой крупной рекламной компании, в которой еще дедушка Крису делал заказы на афиши и постеры.

«Уважаемый мистер Ву,

Мы с глубоким сожалением вынуждены сообщить Вам, что Ваш заказ удовлетворен не будет. Компания оставляет за собой право отказать в объяснении причин. В связи с запоздавшей заявкой, возврат средств не предусмотрен, поэтому мы желаем Вам

хорошего дня и спасибо, что воспользовались нашими услугами,

*Директор отдела продаж,
мистер Ким Джэсок».*

Чонин читал вслух, выразительно и с холодеющим с каждой минутой голосом, который звенел яростью, как только это короткой сообщение, совершенно бессмысленное и жестокое, закончилось.

- Что значит «без объяснения причин»? – практически прорычал он, разрывая листок на две части.

- Значит, что они просто не хотят выполнять заказ, - сухо ответил Кенсу, прекрасно понимая деловой подтекст.

- И что нам делать? – покачивая ногами, грустно спросила партнерша Чонина. Кенсу опять забыл, как ее зовут.

- Ну, можно быстро организовать новый заказ, - задумчиво проговорил рекламщик, прикидывая, сколько времени займет выполнение, - К завтрашнему утру, если заплатить чуть больше, все может быть готово.

- Нечем платить, - безжизненно подал голос Крис, со шлепком садясь, практически падая, на край сцены и пряча лицо в ладонях.

- Совсем? – практически без надежды уточнил Чонин.

- Мы последние деньги отдали на эту рекламу, - ответил за мотающего в безысходности головой Криса Исин.

- А если скинуться? – предложил кто-то из труппы.

Его идею подхватили остальные, но в совершенно другую сторону – денег ни у кого не осталось. Все, что было можно, уже было вложено в театр. Они четко рассчитали практически никакой бюджет и оставили на рекламу необходимую сумму.

- Все пропало, - выдохнул Крис, окончательно поникая.

Кенсу же, слушая спор, не верил, что подобная наглость вообще возможна. Очевидна была и причина отказа и невозврата средств, да и все остальные ее видели, но главной проблемой была именно нехватка средств и, как выяснилось, доверия к агентствам и страх очередного возможного провала.

Правда у рекламщика еще давно, на задворках мыслей, появилась идея. Отличная, совершенно шикарная идея, зажегшая в нем его профессиональную креативную душу. Он даже не смог сдержать счастливой улыбки, едва только в голове всплыло это великолепное решение проблемы.

- Чонин, пойдём, - уверенно позвал Кенсу, хватая танцора за руку, - У меня есть одна идея и мне нужна твоя помощь.

- Что за идея, - с вселенской усталостью простонал Крис, не веря в Кенсу ни на секунду, по всей видимости, - Хочешь продать нас с молотка?

- Кажется, мы это уже проходили, Крис, - приторно улыбаясь, проговорил рекламщик и обернулся к остальной труппе.

- Ребята, все будет хорошо, - со стопроцентной уверенностью начал Кенсу, - Мы сможем это преодолеть, и я помогу вам, но для этого мне нужно кое-что сделать. Я прошу вас успокоиться и продолжать наводить порядок, как только мы с Чонином закончим, то тут же вернемся и поможем доделать, что нужно.

- Почему мы должны тебе доверять? Кто ты такой вообще? – проворчали некоторые артисты.

- Потому что ему доверяю я, - вступился Чонин, приводя до этого уверенного Кенсу в смятение. Он не ожидал, что танцор так быстро положится на него, учитывая, что именно Кенсу все это время вел себя как маленький не смыслённый ребенок.

Крис, отчаявшись окончательно, встал со своего места и подавленно поплелся в сторону своего кабинета, а за ним пошел и Исин, лишь ненадолго обернувшись и прошептав «Удачи, я прослежу, чтобы все готовились».

- Куда мы едем? – по-деловому поинтересовался танцор, заводя мотоцикл.

- Ко мне домой, - даже с какой-то непонятной тоской ответил Кенсу, крепко прижимаясь к парню, набирающему скорость, но так ничего не ответившему.

Возвращаться в собственную квартиру, с которой было связано много не совсем приятных воспоминаний, было даже немного страшно. Кенсу еще на лестнице захотелось сбежать обратно в студию Чонина и забыть, что причина, приведшая его сюда, благородна и оправданна. Но с этими стенами ассоциировались месяцы отчуждения, ссор с родителями и бесконечный контроль. Единственная вещь, не позволявшая сбежать, лежала где-то в ящике компьютерного стола.

- А квартира у тебя неплохая, - присвистнул Чонин, лениво оглядывая обстановку.

- Ага, - глухо отозвался Кенсу, стремительно проходя вглубь квартиры и вытаскивая ящик за ящиком, в поисках необходимых вещей.

Он хорошо помнил, что оставил визитку с номером телефона своего хорошего друга где-то в документах на увольнение, только и их найти не мог. А без этого самого друга он вряд ли сумеет найти способ помочь театру. Подцепив кипу документов разной степени

давности и важности, парень выронил на пол свою сберегательную книжку. В голове возникла еще одна идея и он, после короткого поиска личной печати, убрал все вместе в карман куртки.

В столе визитки не оказалось, поэтому Кенсу, игнорируя заинтересованный и несколько растерянный взгляд Чонина, примостившегося в проеме двери, кинулся обыскивать другие места, где мог хранить или затерять важные документы: корзинку с почтой в коридоре, свою рабочую сумку и даже прикроватную тумбочку. Но нужная бумажка все не находилась.

- Черт, черт, черт, - сквозь зубы проругался Кенсу, оглядывая квартиру в поиске дополнительных возможностей хранения.

- А в мобильник ты его номер не забил? – поинтересовался заскучивший Чонин, которому Кенсу до этого успел вкратце рассказать, что они ищут и зачем.

- Нет, - покачал головой рекламщик, - Он дал мне свою визитку, когда меня уволили. Я как раз собирал вещи, Хенщик пришел попрощаться...

Кенсу, наконец, вспомнил, куда засунул визитку друга, поэтому чуть ли не бегом побежал в спальню, ища на дне шкафа небольшую коробку с личными вещами, которую от злости запихнул куда подальше, потому что увольнение радостным событием не было. Высыпав содержимое на пол, рекламщик очень быстро среди рамок и разных офисных штучек нашел небольшую белую карточку с названием своего старого рабочего места.

- Вау, и кровать у тебя побольше, - присвистнул Чонин, проследовавший за Кенсу.

- Я нашел визитку, Чонин, - отвлекая танцора и одновременно безнадежно краснея, позвал рекламщик.

- И что мы будем делать дальше?

- Во-первых, уйдем отсюда, - Кенсу не утруждал себя уборкой, а просто перешагнул разбросанные вещи и направился на выход, даже не заглянув на кухню или в ванную, например, чтобы проверить, все ли в порядке в его отсутствие.

Однако в коридоре Кенсу внезапно остановился, поймав свое отражение в зеркале и вспомнил, что за эти несколько дней ни разу не менял свои вещи. Белье он стирал на ночь, занимая треники Чонина как пижаму после того, как принимал у него душ, но вот джинсы были не очень чистыми, как и общее ощущение, замечать которое раньше не было сил.

- Чонин, - коротко позвал он парня, - В холодильнике должно было остаться что-то из нескоропортящихся продуктов, чайник найдешь, а если устал – моя кровать в твоём распоряжении.

- Ты куда-то собрался? – удивленно спросил танцор, подходя ближе к Кенсу.

- Хочу зайти в душ, побриться своей бритвой и сменить одежду, - пояснил рекламщик, возвращаясь в комнату и доставая из шкафа свежую пару черных джинс и черную же футболку. – Я быстро.

- Ладно, - отмахнулся парень и с удобством устроился на двуспальной кровати. На выходе из дома спустя час у рекламщика даже закружилась голова, словно от глотка свежего воздуха, после пребывания в вакууме. Его не тянуло обратно, он совершенно не скучал. Это место все ещё приносило тупую боль и неприятные эмоции.

- Не могу понять, почему ты сбежал от того, что имел, - пожал плечами Чонин, - Хотя ты бы не понял и меня, узнав от чего отказался в свое время я.

Разговор с Хёнщиком поднял настроение и Кенсу и Чонину, потому что парень согласился отменить все дела и встретиться с ним в свой обеденный перерыв, дабы обсудить важность и скорость проекта, который предстояло оформить в кратчайшие сроки. Хенщик вообще-то был очень рад слышать, что с Кенсу все в порядке и он (на вид) не унывает.

- Здравствуй, давно не виделись, - с улыбкой поздоровался посвежевший Кенсу, присаживаясь за столик в Старбаксе.

- Привет, Кенсу, - поприветствовал темноволосый парень в строгом костюме, широко улыбаясь и Чонину. – А ты?

- Ким Чонин, - вежливо представился танцор, присаживаясь на стул недалеко от Кенсу.

- Кенсу сказал, ты работаешь в этом театре? – с интересом поинтересовался Хенщик, отпивая из кружки свой кофе.

- Чонин ведущий актер, - пояснил за танцора рекламщик, чувствуя себя как никогда легко в общении с человеком, с которым раньше всегда смущался и нервничал. Собственно, как и со многими другими.

- А ты изменился, Кенсу, - точно подметил его бывший коллега, - Приятно увидеть тебя спустя столько времени. Я беспокоился. Увольнение было для тебя ударом, я сразу почувствовал.

- Было, - согласился Кенсу, - Но я справился и пережил этот момент, во многом благодаря Чонину. Он вовремя встретился на моем пути.

- Круто, - кивнул парень, подмигивая Чонину, у которого складывалось двоякое и почему-то не очень приятное отношение к Хенщику, - Так в чем проблема?

- Нам нужен срочный заказ, - Кенсу сразу перешел к делу, пододвигая стул ближе,

- Пять десятков постеров, тысяча обычных листовок, афиши и, если ты сможешь помочь,

размещение информации на всех интернет кассах, которые согласятся продавать нас в короткие сроки.

- Не хило, - протянул Хенщик, откинувшись в кресле и задумываясь, - А когда премьера?

- В пятницу, - ответил Чонин.

- Это же через два дня, - Хенщик нахмурился, обдумывая объем работы и данное ему на это время, - Кенсу, ты же в курсе, что срочный заказ оформляется минимум за неделю до события, если это касается театральных представлений, концертов и выставок. Это и в рекламных сообщениях тоже. Мы можем сделать все и за несколько часов, но данного времени мало, чтобы заставить публику прийти в ваш театр.

- Я знаю, Хенщик, - согласно кивнул Кенсу, - Но у меня есть несколько идей для ускорения распространения информации. Нам нужны от тебя только материалы.

- Допустим, но даже с дружеской скидкой все это будет стоить прилично в главной степени из-за ограниченных сроков.

- Кенсу... - протянул Чонин, вспомнивший, что эту проблему они еще не обсуждали.

- У меня достаточно денег, - уверил друга Кенсу, специально не глядя на Чонина, который еще сильнее помрачнел от этих слов.

- Тогда давай эскиз, я сделаю все к вечеру, - потер руками Хенщик, но тут же замер, глядя в шокированное лицо рекламщика, который с каждой секундой все сильнее хмурился.

- Только не говори, что у вас нет эскиза, - положив руку на лицо, простонал темноволосый парень, - Ты же понимаешь, что без готового эскиза даже до завтра листовки не напечатать.

Кенсу поглядел на Чонина, который все прекрасно понял и уже по-настоящему расстроился. Он хотел помочь, но отсутствие эскиза ставило в тупик. А его глупая забывчивость сильно раздражала, потому что как можно было считать себя профессионалом и забыть, что чтобы что-то напечатать надо иметь, что печатать. И теперь их Снежная королева обречена на провал. Им перекрыли воздух, и тут даже наличие денег не спасет, потому что постер должен быть оригинальным, а его создание займет много времени, потому что этот процесс самый трудоемкий в их работе.

И видимо застывший за долгие месяцы простоя мозг Кенсу наконец решил начать выдавать отличные идеи, как когда-то во время рабочего мозгового штурма. Он нашел, за что зацепиться и быстро сбегав на кассу, удивив своим порывом и Чонина и Хенщика, вернулся с карандашом и листком бумаги. Быстро набросав эскиз под заинтересованные поначалу и весьма одобрительные в конце взгляды, Кенсу подписал в углу цветовую гамму и необходимые поправки вместе с названием и списком актеров, а затем передал Хенщику.

- Печатайте так.

- Ты уверен? - скептически уточнил Хенщик, рассматривая нарисованные линии и штрихи.

- Как ты думаешь, Чонин? – Кенсу передал листок в руки танцора, все-таки это была его постановка.

- Мне нравится, только... - с одобрительной улыбкой согласился Чонин, разглядывая бумагу в руках и исправляя название театра и постановки. – Теперь все правильно.

Хенщик позвонил ближе к вечеру и объявил, что поднял на уши всю компанию, но в кратчайшие сроки напечатал необходимое количество постеров и флаеров. Он даже успел кинуть информацию по многим сайтам и разослать приглашения в Клуб пенсионеров, которых пригласил Кенсу.

К сожалению, не все Интернет-ресурсы, получившие запросы, согласились участвовать в продаже, но три более-менее крупных разместили у себя информацию о спектакле и театре. Но для усиления эффекта, Хенщик и несколько его знакомых блоггеров кинули посты о «восхитительной, новейшей танцевальной постановке», используя отсканированный эскиз Кенсу.

Кенсу и Чонин посоветовавшись, решили воспользоваться машиной рекламщика, чтобы забрать и завести в театр все образовавшиеся коробки. Им пришлось сделать крюк, чтобы оставить мотоцикл Чонина около его дома и забрать машину Кенсу, но прибыв в указанную Хенщиком типографию, это оказалось вполне оправданным действием. Все коробки и свертки едва уместились в салоне и багажнике машины, а в мотоцикле их сложить было бы в принципе негде.

- Почему ты поменял название? – запоздало вспомнил свой вопрос Кенсу, выезжая на шоссе, ведущее к театру.

- Потому что мы не ставим стандартную Снежную королеву, - серьезно объявил Чонин, чувствуя себя странно без своего мотоцикла, да и не за рулем. – Главный герой – Кай. Кай – мальчик со своими трудностями взросления, взаимопонимания с семьей, поиска себя. И то, какой выбор он в итоге сделает, - наш сюжет. Ты же не видел всего спектакля.

Чонин вдруг тепло улыбнулся, резко поворачиваясь к Кенсу.

- Я только сейчас понял, что еще никто не видел целого спектакля. Даже актеры. Это одновременно пугает и будоражит. Я верю, что Крис знает, что делает, - парень скрепил руки в замок, немного ерзая на стуле, пока Кенсу вел машину и одним глазом поглядывал в его сторону. – Ты знаешь, что только я и Крис видели полный сценарий?

- На самом деле? – Кенсу резко повернулся к танцору. Хорошо, что они стояли на светофоре, и ничего опасного не могло произойти.

- Да, - кивнул Чонин, теперь глядя в окно и замечая вдалеке здание театра. – Надеюсь, все получится.

Кенсу снял руку с руля и уверенно улыбнулся парню, стараясь поделиться с ним своей убежденностью.

- Все получится, Ким Кай.

- Это просто охрененно! – Тао пищал от восторга, размахивая флаерами.

Он был первым, кого парни встретили на входе в театр, но вскоре на его крики сбежались и остальные артисты, да и режиссер подоспел.

- Вау, - нахмурившись, выдохнул Крис.

Он как-то странно уставился в постер среднего размера, очень внимательно разглядывая его и словно что-то выискивая. Крис задумчиво и придирчиво изучал каждую черточку, каждое имя и название. И молчал.

- А почему название другое? – поинтересовалась партнерша Чонина (и Кенсу наконец вспомнил, как ее зовут).

- По многим причинам, Минё, - ответил Кенсу, нервно глядя в сторону хранящего гробовое молчание режиссера. – Его Чонин поменял, вообще-то.

- Это название нашего спектакля, - наконец выдохнул Крис. – Я его изначально таким задумывал. Откуда ты знал, Чонин?

- Ты хранишь рукописи в неподходящих местах, Крис, - виновато улыбнулся танцор, - Да я и до этого догадывался.

- А кто рисовал эскиз? – дернув губой в кривой полуулыбке спросил их режиссер. – Наша версия была совершенно другой.

- Кенсу, - посмотрев на смущенного рекламщика, ответил Чонин.

Крис перевел нечитаемый взгляд на рекламщика и несколько мгновений молчал, прежде чем аккуратно положить постер сверху на коробку к остальным, а потом, преодолев в несколько шагов разделяющее их расстояние, обнял Кенсу. У того даже сердце чуть не остановилось. Преимущественно от страха, потому что неожиданные нежности от вечно ругающегося и ворчащего на него Криса для парня были в новинку.

- Спасибо, - выдохнул режиссер, сжимая объятия еще сильнее.

- Ты его задушишь, Крис, - с ноткой игривой ревности протянул Исин, вставая рядом с

Чонином. – Ну что, когда будем развешивать?

Крис отпустил Кенсу так же резко, как и схватил.

- Ты и я останемся здесь, чтобы повесить афиши и привести в порядок кассы, - командирским голосом ответил Крис, у которого в глазах горела решимость. - Чонин и Кенсу идут клеить постеры возле всех возможных достопримечательностей в центре, желательно взять с собой немного флаеров, чтобы по возможности раздавать заинтересованным людям.

- Крис, - осторожно позвал Кенсу, - Нужно обязательно приклеить несколько постеров возле крупных кинотеатров и станций метро. И конечно университеты.

- Хондэ с Мёндоном, - протянув руку, вскрикнула Минё, - Мы с девочками берем эти улицы. Народу всегда много, повесим постеры и раздадим флаеров.

- Отлично, - согласился Крис одновременно с Кенсу, а потом они одновременно улыбнулись друг другу, сочтя это хорошим знаком, - Все остальные выбрали себе точки и бегом, нужно успеть сделать это сегодня вечером, от нашей скорости зависит наш успех!

- Файтин! – закричали артисты в разнобой.

- Не так, - поправил Крис, затем показывая отсчет пальцами, - Раз, два, три!

- ФАЙТИН!!! – одним голосом на два десятка работников и артистов.

Чонин и Кенсу дали пять друг другу, а потом и остальным парням и девушкам, набившим сумки и рюкзаки важнейшими в их жизни бумажками. Воодушевление царило среди всех этих людей, мигом забывших многие месяцы проблем и невзгод.

Довольные и веселые, парни завалились в квартиру Чонина в двенадцатом часу ночи. Задорный смех и глупые шутки сопровождали весь их путь до дома. Замученные физической работой, они все же не могли перестать получать удовольствие от происходящего, мечтая о завтрашнем дне.

Скинув с себя ботинки, Кёнсу откинулся спиной о стену, прикрывая глаза. У противоположной стены его действия, словно в зеркале, продублировал танцор. Оба парня пытались отдышаться от захвативших их радостных эмоций. Это было странное и непередаваемое чувство, будто все скрытые переживания освободились и вырвались наружу в виде смеха и какого-то подобия счастья. Особенно для Кёнсу.

- Давно я так не смеялся, - со смешком высказался парень, приоткрывая глаза, но тут же замирая и чувствуя, как его захватывают какие-то неконтролируемые эмоции.

Дело было во взгляде Чонина, который откровенно любовался стоящим возле стены невысоким парнем. Его пересохшими от долгих разговоров губами, беспокойно

вздымающейся грудью и чуть покрасневшими щеками. Чонин в какой-то момент осознал, что держаться невозмутимо в стороне уже больше не сможет, но постарается, если Кёнсу не проявит ответных эмоций, действий.

Но для Кёнсу взгляд был всего лишь изучающим и немного похотливым. Или не немного, потому что когда танцор поднял глаза и встретился с парнем взглядом, того затопило. Просто лавиной, волной затащило на дно, откуда уже не хотелось, если честно, выбираться. Чонина встретил прямой, все понимающий, и такой согласный взгляд. Зеленый свет был дан.

Мгновение спустя, оба парня сорвались со своих мест навстречу друг другу, все так же молчаливо, но весьма целенаправленно.

Первый поцелуй вышел скомканным, они стукнулись зубами, но спустя пару секунд оба парня подстроились друг под друга, словно всегда знали, чего хотели. Кёнсу целовал, задыхаясь от охватившего безумия. Чонин целовал, настойчиво прокладывая себе путь к сердцу рекламщика, копая себе глубокую яму, из которой не собирался вылезать.

Их обоих охватила настолько сильная эмоциональная волна, что с огромным усилием воли оторвавшись друг от друга, парни смотрели друг другу в глаза и часто дышали. Чонин обхватил голову Кёнсу за шею, зарывая пальцы в волосы на затылке и не отрывая взгляда. Кёнсу дублировал его действия.

- Боже, Кёнсу, - прохрипел Чонин, прикрывая веки.

- Да, - выдохнул Кёнсу, следуя за ним, - Да, я тоже это чувствую.

Чонин втянул воздух с шумом, а потом вновь коснулся губ рекламщика, проводя языком по нижней губе. Он не торопился углублять поцелуй, просто обводил контур пухлых губ Кёнсу. Спустя несколько мгновений, он все же поцеловал парня, делая это медленно, но очень чувственно.

Кёнсу горел.

Хотелось отдать себя без остатка, раствориться в этом чувстве и больше не существовать, но единственным доступным действием было снять с Чонина куртку. Снять с Чонина рубашку, снять с Чонина ремень и расстегнуть брюки, пока тот целовал так, что помутнялось сознание, подкашивались коленки и становилось безумно горячо.

- Ты торопишься, - зачем-то прошептал Чонин.

- Это ты слишком медленный, - передразнил Кёнсу, стягивая собственную футболку.

- Ах, - только и мог выдохнуть танцор, рассматривая обнаженного Кёнсу словно в первый раз.

Рекламщик мог бы смутиться, но именно сейчас ему было глубоко наплевать, как он выглядит и как его можно понять, ему просто очень хотелось, наконец, почувствовать,

что значит быть с Чонином до конца.

Танцор сделал шаг вперед, прижимая Кенсу к холодной стене и вновь горячо целуя. Парень словно не мог напиться воды в знойный день. Он делал короткие перерывы лишь для глотка воздуха и продолжал целовать и целовать, оглаживая спину, руки и грудь рекламщика, чувствуя, как парень делает это в ответ с нарастающим нетерпением.

Подхватив Кенсу под ягодицы, Чонин приподнял его и прижал к стене. Рекламщик, почувствовав интимное соприкосновение с танцором, закинул голову назад от непередаваемых ощущений и судорожно вдохнул.

- Держись, - сказал Чонин, прижимаясь губами к ключице парня и направляясь к кровати.

Упав на простыни вместе, парни весело засмеялись и вновь посмотрели друг на друга, понимая, что теперь им обоим не выбраться. Поцелуи возобновились, а горячие руки исследовали тела. Чем меньше оставалось одежды, тем меньше оставалось секретов.

Пережитые эмоции не давали парням уснуть, каждый из них обнимал другого крепко, но думал о своем, хотя в целом об одном и том же.

- Мне нужно еще в одно место съездить, - утомленный парень резко приподнял голову с плеча Чонина, на котором лежал последние полчаса.

- Мы разве что-то забыли? – удивился Чонин, полусадясь на кровати и глядя на сидящего с краю Кенсу.

- Не совсем, - покачал головой рекламщик, вставая с кровати и ища взглядом свои джинсы. – Но это важно.

- Так поздно? – танцор нахмурился, глядя на часы и за окно, а потом снова на Кенсу, - С тобой съездить?

- Не надо, - парень покачал головой, находя на полу и свою футболку. – Я быстро. Тем более тебе стоит выспаться, завтра важный и тяжелый день.

Перед выходом Кенсу наклонился и поцеловал Чонина горячо и настойчиво, у танцора снова перехватило дыхание. Так, словно давал обещание.